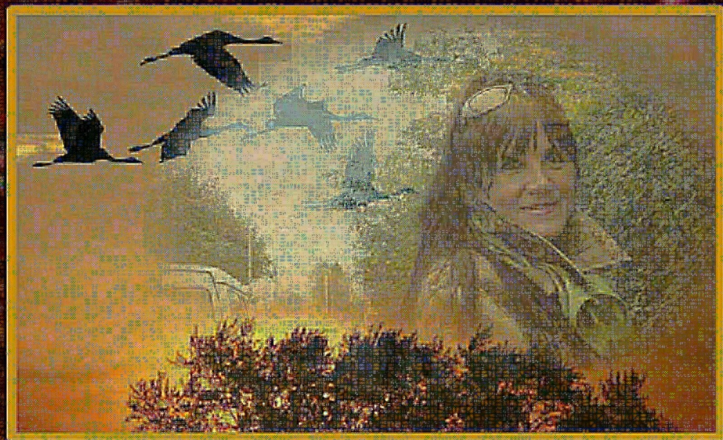

Irina Raymond

Исповедь особенной мамы

А я до сих пор жива

18+

Irina Raymond
А я до сих пор жива.
Исповедь особенной мамы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33170256
SelfPub; 2018*

Аннотация

Ирина – успешный дизайнер и счастливая мама. Старший сын Дмитрий – офицер, младший Денис – бизнесмен. Ирина одна подняла двух умников и красавцев. Денис всегда рядом, Дмитрий постоянно в командировках. Тревога за него и предчувствия душат по ночам Ирину... Обнимая холодный цинк, она не хочет жить. Денис женится и отказывается от Ирины. Она часто воеет, как волк, от безысходности. Спасение – работа, зверики и интернет. Ирина знакомится на сайте с французом Филиппом. Её «страшная красота», как переводит «Google», покоряет его.

Исповедь особенной мамы « А я до сих пор жива».

Эта книга для особенных мам, которые осиротели на этой Земле, потеряв своих кровинок. Папы, простите. Не знаю, как Вы выживаете в этом Аду, потому что я – мама. Я только о себе.

О, сколько мам бездомных и бездетных,
Когда Земля – острог и дети там...
Весь мир оглох от болей несусветных.
И все вопросы к Богу, к небесам.
О, сколько нас в стенаньях дни и ночи,
Когда от горя выжжена душа,
Когда и жить не можешь и не хочешь,
Когда в надломе брошена Судьба.
О, сколько нас в молитвах покаянных,
Как в церквах свеч, сгоревших без следа,
И в скорби монументно-постоянных...
Из нас у каждой есть своя стезя.
О, сколько нас в безумие ушедших,
Когда и разум не выносит боль,
И в Вечности покой с детьми обретших:
Отыграна сполна земная роль.
О, сколько нас, где испытанья – жёсткость,
И белый свет померк в потоке слёз,
Где прошлое, как в раме, просто плоскость,

И не понять: жара сейчас, мороз?
О, сколько нас, оставленных без срока,
Когда обрушив, выдернули ось,
Когда и сущность в грубости жестока,
Когда в страданиях ужас, страх и злость.
О, сколько нас, так ищущих настырно
Своих кровинок в каждом и всегда.
А годы потихоньку как-то мимо...
И мы у края сути бытия.
Но так нельзя. Я это знаю точно.
Пока есть солнце, небо и цветы
Нам надо жить! И это очень срочно.
Мы за двоих. В надежды и мечты.
О, сколько мам бездомных и бездетных,
Когда Земля – острог и дети там...
Я вам желаю Мужества и Цвета.
Любви. Терпенья. Солнечность годам...

16.02.2016

Начав писать, я вернулась назад в счастливую нашу жизнь. И совсем не ожидала, что меня так жестоко будут «четвертовать» воспоминания. Но я закончу этот проект...

Как дань памяти моему любимому старшему сыну Дмитрию.

Как письмо любимому младшему сыну Денису.

Мой сын твердил: «Мамуля, будь счастливой».

Я так хочу. Ты в счастье – красота».
Но... столько лет. А счастье как-то мимо.
Я подожду. Какие мне года.
Мой сын. Я знаю: он мне с солнцем светит.
И я смеюсь, когда в ресницах блеск.
Мой мальчик – лучик. Он один на свете.
Лазурно небо? Он со мной. Он здесь.
Я помню всё. И память лишь о лучшем.
Но... 27! Такой короткий срок.
И я живу, все правила нарушив...
Молитвы утром – в ночь. Как видит Бог.
А я молюсь о нас. Тогда счастливых.
Когда все вместе. Вечер. За столом.
Призвание дня: то бурно, где-то мило...
Не ожидала ниоткуда «гром».
«В последний раз, мамуля... И я дома».
О, эти строки. Слез полны глаза.
Мои слова: «Я ко всему готова»...
Откуда знать: несут ЧТО небеса.
Все десять лет, пока сын не со мною,
Учусь я быть, дышать и вновь любить.
Америки, конечно, не открою.
Предельно трудно ТАК без сына жить.
Но я живу. Теперь уже иначе.
Я реже плачу. Не смирилась. Нет.
Из жалости я не прошу подачек.

Лишь иногда весь в чёрном белый свет.
Зима уходит. И февралью кружит.
Без сожаленья это я приму.
Ведь каждый год, уча, чему-то служит.
Когда-нибудь и это я пойму.
Мой сын твердил: «Мамуля, будь счастливой»...

Эти слова Дмитрия у меня теперь, как девиз. Я обещаю сыну, и я обязана быть счастливой. Это его желание. Его мечта. И я стараюсь. Видит Бог, очень стараюсь. Никогда не забываю о сыне. Он в моём сердце навечно. Я – его мама...

Помоги мне, Господи, справиться с Судьбой.
Отвори ворота все и со мной постой.
Набралась я смелости и вперед иду.
Помоги мне, Господи, не пропасть в бреду.
Признаю: я – веточка, что порой трещит.
Защити, Господь, меня от моих обид.
Дай мне силу Мудрости и чуть-чуть Любви.
Защити сё, Господи. Просто помоги

Я – мама. У меня два сына. Моих два «Д». Дмитрий и Денис. Дмитрия назвала в честь Дмитрия Донского. Очень мне нравятся Воины – русские богатыри, которые сражались за Русь, защищая её от врагов. А ещё ... в детстве у меня была любимая кукла – пупс. И звали пупса Митяша. Всё совпа-

ло. Дениса назвала в честь Дениса Давыдова. Хотела, чтобы он вырос таким же бесстрашным, умным, весёлым и любимцем женщин. Я – мама, которая была счастлива и любима, как мама. Но... Была. Десять лет назад. Миг для Вечности. Пылинка в мире бытия. Но это – мои столетия, потому что каждый день надо жить. Жить со смирением и надеждой. С мужеством и терпением.

2005 год. Наша маленькая семья: мама и два сына. Всё у нас замечательно. Мои сыновья радовали меня. Баловали, как считала, своей любовью. И каждый день счастливый. Я «летала». Писала неуклюжие стихи. Мой поэтический путь проходил стадию первых и неуверенных шагов. Я готова была обнимать весь мир.

Сидит в ладонях крохотный птенец.
И я ладони к солнцу протяну.
Он оживёт – моей любви певец.
Я в радугу оденусь и мечту.
Невеста вновь. Чиста душа моя.
И сердце в горле перестало биться.
И мне открылся смысл бытия.
И я хочу опять светло влюбиться.

Все мамы, которые одни воспитывают сыновей, знают, как сложно быть и мамой, и папой одновременно. Мне приходилось быть ещё и бабушкой-дедушкой. Строгость и ответ-

ственность – одна сторона. Любовь и нежность – другая сторона. Мне казалось, что я справлялась: быть и строгой, и ласковой мамой по обстоятельствам. В моей семье мне не хватало родительской любви. И я, как могла и как умела, отдавала сыновьям себя со своей к ним любовью.

Я – мать. И я люблю двоих
Хороших, скверных, но моих.
Два разных сына у меня.
Хоть кровь одна. Одна семья.
Наверно, так и быть должно,
Ведь это жизнь, а не кино.

Сын – это так надёжно. А два сына – просто подарок судьбы, потом что мама на земле имеет двойную защиту от всех невзгод. Это же мужчины. Опора и надёга. В этом была свято уверена. Мальчики выросли.

Моей пожизненной награде:
Сыновьям Дмитрию и Денису.

И ночь темна.
И я одна.
Опять не спится этой ночью.
А жизнь идёт.
И мой черёд
Придёт такой вот лунный... Точно.

Как прожила?
Что нажила?
Увидится мне всё воочию.
Ошибок – море.
И горя – горы.
И счастья мелкие кусочки.
Но ... есть два сына.
Судьба игриво
Дала мне в руки два листочка.
Как их растила...
И как всё было...
Я здесь поставлю многоточие.
Теперь я рада.
Ведь есть награда.
Мне незачем Судьбу гневить.
Я состоялась.
В Душе осталась
Тревоги тоненькая нить.
Я очень верю:
Открою двери
И Счастье хлынет без границ!

Старшему сыну определила судьбу, когда давала имя. Он, сводивший с ума девчонок своей красивой улыбкой и зелёными глазами в пушистых ресницах, проявил твёрдость. Решил: Воин. Значит, так тому и быть. Ни мои уговоры, ни мои

слёзы... Я сдалась. Знают мамы, что такое ... ждать. Писем. Звонков. Приездов. Молиться и ждать. Дмитрий часто повторял, что я – его счастливый талисман, а потому он – пожизненный везунчик. Сын знал, что потерять его мне будет не по силам. Ничего в жизни не боялась. Через многое прошла. Ради сыновей. Нас было только трое на Земле. Остальные тоже были на Земле... Но. Только были. Вне нашей маленькой семьи. Отдельно и далеко.

Главный и единственный мой страх – потерять детей. Для меня тогда даже мысль об этом была запредельностью. Мои два сына – смысл моей жизни. Моя суть – мама. Так считала. Так считаю и сейчас.

Мой добрый и весёлый Дениска всегда рядом, когда старший далеко. В очередной раз далеко от дома. Как я была горда... У меня **ТАКОЙ СЫН!!!**

«Надо успокоиться.
Снова жизнь устроится»,-
Сын мне говорит.
Господи, спасибо.
За такого сына
Сердце не болит.
Слёзы утирая,
Говорил: «Такая
Жизни вьётся нить.
Вместе мы с тобою.

Маленькой семьёю.
Худшему не быть».

Письма от старшего мне. Я их получала через военкомат. Обратного адреса никогда не было. Мы с Дениской решили, что Дмитрий служит не в России. Отличное знание английского языка сыграло свою роль после окончания военного училища. И его лидерские качества, конечно.

– Мамуля... Как давно я не писал этого слова. Взял бы и написал сейчас на чистом листе 1 000 раз»... Я ведь «маленькин сыночек». Ты одна меня всю жизнь воспитывала. Сколько сил и души выложила...

– Мамуля, ты – моё солнышко. Самый – самый близкий человек. Ближе и родней у меня никого не было и не будет. Ты у меня не только мама, но и друг. Иногда я вспоминаю, как ты улыбаешься. Мне сразу на душе становится легче...

– Любимая, единственная и неповторимая мамочка. Тут фишку у одного выхватил: он пишет: «Здравствуй, многоуважаемая мама!» Поразмыслил на эту тему. Тебя уважаю не только я. Ты у нас личность с большой буквы...

– Семья – это самое главное. В жизни ничего нет дороже, чем близкие люди и семья. Жаль, что такие вещи начинаешь осознавать, столкнувшись с экстремальными ситуациями. Ближе чем ты и Дениска, у меня никого. Знай, что в трудную минуту мы с тобой. Я и Дениска.

– Мамуля, я никогда не устану тебе говорить «спасибо»,

ведь ты уже столько сделала для меня. И, знаешь, нет другой женщины, которую бы я любил больше. Всю свою молодость и все свои силы ты потратила на заботу о детях. Свою жизнь забросила...

– Чтобы не произошло, ты – самая лучшая мама и самый верный друг. Ты – моё единственное богатство...

– Ты и Дениска. Родней вас нет на всём свете. Для меня каждое ваше письмо – маленькое возвращение домой...

– Мамуль, я за Дениску очень горд. Слышал про него по радио...

– Я не забыл, как мы жили... Все трудные времена, когда и поесть не было. Всё это я прекрасно помню. Мамульчик, зато как я горжусь тобой и твоей силой воли. Многие бы опустили руки, а ты не позволила себе сдаться и добила неплохих результатов. Я с ног до головы пропитан уважением к тебе. Ты всё сама...

– Ты решительная и смелая. Мы прошли всё: огонь воду и медные трубы, но мы остались семьёй. Наш маленький и дружный мир...

– Мамулечка, соскучился жуть. Уже взрослый мужик, а Любовь, как у маленького...

– Мамулечка, скучаю, скучаю, скучаю. Все завидуют, что у меня такая МАМА. Я это и сам знаю. Знай, что я всегда тебя буду любить.

– Взрослый парень, а всё к маме тянет

– Дениска прав на все 100%: мы выросли в красивой и

творческой обстановке. Ты можешь из обычного сделать супер! Я помню наше детство. Оно было удивительным...

– Мамулечка и Денисюлечка, поздравляю вас с днём примирения. Погода стоит изумительная. Солнышко самое жаркое, что можно позагорать... Каждый день похож на другой. Всё одно и то же...

– Мамулечка, сама знаешь, когда пишешь письмо, то уходишь от реальности полностью. Я ко всему отношусь философски. Так легче выжить в этих условиях. Всё стало обыденным и привычным. Человек – существо такое: ко всему привыкает...

– Я буду писать, как можно чаще. Не волнуйся за меня и не переживай. Я не пропаду. Ты же меня знаешь. Я и так перед тобой в неоплатном долгу, начиная с того времени, как ты меня родила. Дениске в армию нельзя. Его здесь «сломают». Ты же знаешь, какой он чувствительный. Я за двоих служу...

– Мамулечка, я помню, как мы встретились у подъезда нашего дома после моего первого возвращения...

Этого и мне никогда не забыть. Не ждала Дмитрия в этот день. Подхожу к подъезду. Я его не узнала! А сын подхватил меня на руки и закружил, закружил, закружил...

– Знаешь, что хочу тебе сказать: это просто чудо, что у меня есть ТЫ! Я горжусь тобой. Тебе столько всего пришлось преодолеть. Ты же, мамуль не такая, как все. Ты – особенная...

– Мамулечка, тебя ведь на руках надо носить. Таких людей, как ты, мало. ... По письму чувствуется, что ты боишься остаться одна. Но этого никогда не будет. Вся твоя жизнь в нас. В твоих сыновьях. А у тебя есть мы!

– Я горжусь тобой. Ты – мой идеал. А я – твой сын. И весь в тебя, чем очень горд... Друзья называют меня Маэстро...

– Я тобой восхищаюсь. Всеми твоими возможностями. Все великие страдали...

– Приснился сон. Мне вручили разбитые часы... – В тот момент я не восприняла этот Димкин сон, как знак.

Какие слова писал обо мне мой старший сын... Где-то преувеличивая мои достоинства до небес... Но... Я воспринимала его слова, как аванс... Жизнь длинная... Казалось.. Тогда.

Весточки от сына. Взрослого, но мальчика
Я читаю заново много-много раз.
И слова ласкают, как от солнца зайчики.
Скоро мы увидимся. Жаль, что не сейчас...

Скучно о себе. Много о том, как скучает и любит. И меня, и младшего братишку. Письма. Письма. Письма. Младший со мной. Ждём. Любим. Скучаем.

Письма старшего младшему.

– Дениска, почерк надо немного исправлять. Я еле-еле

прочитал. Сначала подумал, что это кардиограмма сердца. Пригляделся. Это же братишка письмо написал. Ну, и сел письмо расшифровывать..... Я рад, что ты сейчас с мамой рядом. Она в тебе души не чает. Так что, не надо её огорчать.... Нашему котик, который стал папой, искреннее «Мяу»...

– Дениска, здесь у многих доброты не осталось. Взгляд волчий.... А у меня голова лысая. Уши мёрзнут...

– Денисик, здесь хорошая школа. Она учит быть сдержанным. Ты береги маму. Она у нас одна на всём белом свете. Больше – то у нас никого нет, и не будет. Ты, может, не задумывался об этом, а я здесь это понял чётко...

Мои стихи. И старшему, и младшему... Мои молитвы. И мои клятвы – обещания:

Верю в тебя! Никому не отдам!
Сколько ещё впереди испытаний:
Болью, и счастьем, и славой подчас...

Эти мои слова: «Никому не отдам!»... Слова – заклинания, как молитва. На ночь, утром... Как свято я в них верила. Я смогу!!! Я смогу уберечь своих сыновей от всех бед и горестей. Я же – мама! И я обязана, и должна это сделать в любом случае. Никому не отдавать! Никогда! Никогда! Никогда!

Пусть Ангел – Хранитель пребудет с тобой.
Душа моя вся изболелась.
Мой мальчик, Митяша, сыночек родной,
Звезда над тобой загорелась.
Доверься себе, на краю постояв,
Что всё ещё в жизни случится.
Пройдя через многое, много поняв,
Со многим придётся мириться.
С надеждой и верой, любовью своей
Иди только прямо, не сбейся.
В удачу свою просто снова поверь.
Живи вновь взахлёб. Рядом. Здесь я.

Это Дмитрию на день рождения. Мои совсем не очень складные стихи. Начала писать год назад. Как могла, так и вкладывала свою Любовь и Душу в слова.

Старший сын... Именно, старший. Он сразу заменил мужчину в нашей семье после ухода отца... Моих сыновей обоих «подломило», что их папа нашёл мне замену и забыл, как потом оказалось, напрочь, про своих любимых сыновей, которых обязательно целовал, уходя на работу.

Всё банально. Но... Дети перенесли тяжело. Старшему было 13, младшему 10. Тогда Дмитрий и стал опорой в семье. И авторитетом для младшего.

До этих событий у нас была образцово-показательная семья. Папа, мама, два сына. Из материального: квартира, ма-

шина, дом-полная чаша. Каждый год к дедушке и бабушке на Украину. Из нематериального: любовь, дружба и взаимопонимание. Собака Люся. Было всё, что необходимо счастливой семье. Так думалось.

Много времени я отдавала своим мальчишкам. Они плавали раньше, чем начали ходить. Книжки читала «не по возрасту». Дениске годик. Мите четыре. Зимний вечер. Мы лежим на ковре. Горит только лампочка под потолком (недавно переехали в новую квартиру). Я читаю сказки из «1 000 и одой ночи» про путешествие Синдбада. Дети слушали часами.

На ночь любимая колыбельная «Шёл отряд по берегу....» Песня про Щорса. Удивительно, но других не признавали. Я пыталась.

Мы много путешествовали на автомобиле. По России. По Украине. Зимой – лыжи. Летом – озёра, реки, моря. Всякие – разные пикники. Длинные, короткие путешествия. Фотография – это хобби всей семьи. Семейные альбомы. Вся память в них.

Умею и люблю шить и вязать. 90–е годы. Конкурсы «Бурда моден». Дениска у нас артист, поэтому всю одежду на подиуме представлял он вместе со мной. Призы, практически, всегда наши. Заказывала такси, чтобы загрузить горы подарков. Приз зрительских симпатий – априори.

Моя профессия – дизайнер. Но я и родилась дизайнером. Сколько себя помню, всегда рисовала. А помню себя с двух

лет. Мои мальчишки рисовали, конечно, тоже. Митя – аккуратный рисунок, академический. Дениска, есть выражение, левой пяткой от души. У обоих было талантливо, вне сомнений. Сколько призов и с конкурсов рисунка у нас было...

А сколько стихов выучено! Оба рано начали читать. Ещё до школы, как и я. Дениска в 5 лет начал писать стихи «державинским слогом». Поражалась и гордилась. Дмитрий – «технар» по сути. Мог разобрать всё, что угодно, до винтика... Вот собрать, не всегда.

Папа сыновьями, когда был дома, непременно занимался. Все мужские навыки: гараж, автомобиль, ремонт в доме, починка бытовой техники, изготовление мебели. Мужчины работали вместе. Моя семья. Долгожданный Димка и неожиданный Дениска. Папа обожал обоих сыновей. И баловал. Мальчишки обожали папу. Он – лучший.

Решили завести собаку. Откладывали на новый телевизор, но... влюбились семейно на выставке собак в «русского медведя» – русского чёрного терьера. Старшего сына папа полгода возил на курсы в клуб собаководства, где его обучали всему. Старшему было 11 лет. Телевизор не купили. Купили собаку. Ещё один член семьи, который был предельно предан и верен семье. Любви прибавилось.

Дети подросли. И я решила заняться своим делом. Ушла в бизнес. Как говорил мой профессор Дацко А.А.:

– В каждом деле должно быть наличие страсти.

Занялась со страстью. Кроме того, что этим жила, это

приносило достаточно большие деньги. Мы купили новую машину. После покупки у отца моих детей тоже появилась страсть. К другой женщине. Классически комично: знали все, она узнала последней.

Пыталась простить его ради детей. Не смогла. Гордая. Детей «отвернуло» то, что любящий и любимый папа, перестал их видеть. Просто не замечал. Совсем. Ценность семьи, которая у нас культивировалась, утонула в грязи, которая полилась со всех сторон. Для моих сыновей мир почти рухнул. Мы оказались буквально на улице: мои мальчики, наша собака и я. Без средств к существованию на тот момент.

Слова «любящего папы» нам вслед:

– Я посмотрю, как ты будешь жить со своими детьми.

Да, сыновья стали только моими. На улице зима. Февраль месяц. И это не юг. Два апельсина и два окорочка курицы, украденные мной в магазине, чтобы у детей был ужин, стали отправной точкой для включения моих мозгов на программу: «Как я буду жить со своими детьми». Выжили. Я же – мама. И я шла на всё ради своих детей. У них есть только я. Так случилось. Почему? Украинский дедушка умер – сердце. Украинская бабушка приняла чужих девочек от женщины, с которой жил их «папа». Родные внуки стали чужими.

Мальчишки не простили. Моя мама отказалась от меня. Мой брат и его жена не хотели делиться наследством. Там было что делить. Вот и подготовили для этого почву. До сих пор не знаю, что послужило поводом. Теперь и не узнаю. Ма-

ма «ушла» раньше Мити меньше, чем на месяц. Брат не удосужился мне об этом даже сообщить. На кону стояло наследство...

События происходили одно за другим с дикой последовательностью. Я осталась одна со своими бедами... В 33 года.

Начала работать. Много. На «износ». Нужна была квартира. Дети росли. Накормить, обууть, одеть. Это минимум. Дети из благополучной семьи с достатком гораздо выше среднего, оказались почти у мусорных баков. И наша собака Люся не понимала: почему вместо мяса ей дают хлеб и кашу. Могла ли такое позволить? Конечно, нет.

Однако, урок, который преподала мне жизнь, запомнила твёрдо. Месяц работы по 12 часов без выходных над проектом частного магазина – оплата была более, чем приличная, выбил меня из «колеи» на две недели.

В квартире никого не было. У нас одна комната в коммуналке. Дениска на соревнованиях в другом городе. Димка с друзьями уехал на «шашлыки». Как я радовалась, что сумела за месяц столько заработать. Прикупила продуктов и готовила на кухне ужин. Очнулась на полу. Из холодильника вытекла вода – он начал «таять».

Лежу и соображаю:

– Что случилось?

Попыталась встать. Не могу. Часа за два добралась до дивана. Тело не двигается. Голова работает чётко.

Смотрю в потолок и думаю:

– Так. Если я сейчас умру... что оставлю детям. Эту комнату в коммуналке. Их отдадут в детский дом. Димка выживет в тех условиях и защитит брата, если они будут вместе. А если нет? Ужас!

Ещё час добиралась до соседки. Она вызвала «Скорую». Тут и Димка вернулся.

Врач сказал мне:

– Деточка, так работать нельзя. Нервная система истощена до предела, и кто знает, чем может обернуться такое в следующий раз...

Митя две недели не отходил от меня. Уяснила, что должна думать о себе, потому что у моих детей, кроме меня, никого нет. Я у них одна. А у меня их два. Два сына. И собака. Их судьбы на данном этапе зависят только от меня.

В 14 лет и Дмитрий начал зарабатывать на «жизнь», не в ущерб учёбе... Жили мы, хоть и трудно, но очень дружно. Я много беседовала со своими мальчиками. С Димкой ходили по улицам и говорили, говорили, говорили... А Дениска любил прийти ко мне в мастерскую и беседовать часами обо всём. Мои мальчики читали разное. Их интересовал: Кант, Ницше, Фрейд, история, философия... Мы смотрели «думные» фильмы. Темы для разговоров всегда находились. И юмор... Он спасал однозначно...

Шли годы. Всё пришло в норму. Дениска как-то сказал мне однажды, придя из школы:

– Мамульчик, мы живём намного лучше, чем те семьи,

где есть папы. Папы у них не было. Но была мама. Всегда. И навечно.

Не всё было гладко. А у кого оно без шероховатостей? Пусть кинут камень.... Явных конфликтов не было. Особенно с Дениской. Его берегли, потому что он был «мелкий», как его называл Димка. А роста «мелкий» был уже 190 с какими-то см ещё...

Мой маленький птенчик. Сыночек родной.

Такой ещё глупый мальчишка.

Со мной у окошка тихонько постой.

Ты вырос большой. Даже слишком.

Ты маму свою постарайся понять,

Подумав немного о главном.

На нашу судьбу вряд ли стоит пенять,

Мой милый, любимый, мой славный.

Уж сколько мы вместе, мой мальчик смешной...

А ты всё изволишь сердиться.

Я рада, что ты у меня не простой.

Журавлик. Совсем не синица.

Поверь, всё наладится в жизни у нас.

Мы столько уже пережили.

Напишем потом мы роман, не рассказ,

Как жили, как сложно мы были...

И мальчику на тот момент исполнилось 22 уже... Мой солнечный Дениска. Столько в нём было света и добра.

Я так любила обоих мальчиков. Так гордилась собой. Я – мама двоих сыновей. Два сына – два крыла за спиной. Просто за старшего больше болело сердце. Младший всегда был рядом.

Два сыночка у меня.
Две родных кровинушки.
Я растила их сама.
Выросли детинушки.
Верю, старшего дождусь...
Срок пройдёт недолгий.
Я слезами не зальюсь,
И отвоюют волки.
Благодарна я Судьбе.
Знаю: всё получится.
Я уверена в себе.
И довольно мучиться.
Мы одной своей семьёй
Заживём счастливо.
Два сыночка у меня.
Оба – два любимых.

Сыновья были очень разные. Но между собой дружили. Какие-то особенные отношения у них были. Два сына. Взрослых. У меня два сына.

Два разных сына. Солнце и Луна.
Мне жизнь дала кипящую лавину
Любви сыновней. Просто не ждала.
Я не могу отвергнуть этой правды.
Я не хочу иначе всё прожить.
Судьбы моей извилистые карты
Сплелись во тьме. Не Ариадны нить.
Но я не сдамся всяким наговорам.
Я не сломаюсь. Стойкая всегда.
Два сына у меня. У них мой норов.
Два сына. Взрослых. Солнце и Луна.

Декабрь месяц. Всё тот же 2005 год. Дмитрий дома. Скоро наш любимый праздник – Новый год. Настоящая и нарядная ёлка в гостиной. Подарки под ней. Вкусности. Смех и надежды. Воспоминания. Любимое занятие всех нас – просмотр семейных альбомов. Мои сыновья рядом. Может ли счастье мамы быть больше?

Мой сын вернулся. Снова вместе.
Всё замечательней, чем прежде.
А у меня тревога в сердце –
Одним живу: слепой надеждой.

Не могла нарадоваться тому, что так всё дружно и так уютно у нас. Мой приятель Александр – человек, обратившийся

к Богу совсем недавно, пригласил в путешествие по святым местам: монастыри, храмы. Согласилась.

К Богу нужно не только с просьбами, но и с благодарностью. Не помню иерархического звания этого служителя церкви, в которую я зашла, но... Запомнила какая недоброжелательность от него пошла, как только начала рассказывать ему о своём счастье...

В храме меня будто помоями облили... В растерянности пришла обратно в машину. Мой приятель на моё сумбурное со слезами высказывание о «служителе» сказал так:

– Этот священник только сегодня при храме. А завтра он может бутылки собирать по мусоркам. Не принимай его слова к сердцу.

Пусть слова. Но там были и проклятья. В чистом виде:

– Изыйди из храма, проклятушая.

Зависть? Неприязнь? Не знаю. Память до сих пор хранит.

Не отвернулась от Бога. Стала осторожней. Все мы – люди, но каждый должен осознавать меру своей ответственности. В словах, поступках, в последствиях своих слов и поступков.

Опять я счастлива порою.

Опять большие планы строю.

Плохое просто отойдёт –

Таков прогноз на целый год.

Зима с морозом за окном,

А у меня уютный дом.
Ещё работа у меня.
И вместе вся моя семья.
Собака даже. Озорная.
И я жива, и не больна я.
Чего ещё желать себе?
«Спасибо!», – говорю судьбе

Как и писала: всё было хорошо, но тревога внутри не отпускала. Я решила, что старшему сыну пора жить и работать ближе к дому. Мы об этом поговорили. Дмитрий сказал, что это будет последний раз. Сделала вид, что поверила. Это судьба сына и только он может ею распоряжаться. Мои принципы: уважаю выбор каждого. Хотя так хочется иногда «нажать», особенно, на близких.

Тревоги тень опять крылом накрыла.
Спокойствие даётся мне с трудом.
И жизнь без звуков и без цвета мимо.
Так горько мне: беда стучится в дом.
Я, как могла, всё ставила преграды.
Оберегала так, как может только мать.
Не заслужила счастья? И не надо.
Я не желаю с сыном воевать.

В нашем городе, так называемая «Тропа здоровья», пеше-

ходная дорожка до Иван-озера на 17 км проходит местами мимо погоста. Я, Димка и наша собака Шурка там часто гуляли. В последний раз перед отъездом Дмитрия тоже. Я тихо радовалась, что нет никого у нас на этом кладбище.

Запомнился один памятник. Он стоит практически около тропинки. Фотография молодого парнишки и слова... Невольно на него обращала внимание. И сердце в комок, и холод до пят. Всегда думала о его матери. Не приведи, Господи...

В последний день старого года у нас было весело. Моя семья: мои мальчишки, наши коты и черныш Шурка. Наши друзья. Подарки, слова-пожелания, шутки, музыка, «вкусный» стол. Красивые, счастливые, весёлые, с надеждами и мечтами в Новый 2006 год мы и вошли. Я в тот вечер и ночь убрала всю тревогу. Оставила только наслаждение от всех тех, кто рядом и от того, что происходит в нашем доме и светлые ожидания.

В моей жизни появился мужчина с его сумасшедшей любовью. Мы работали вместе на одном объекте почти два года. Проект «крутого» ресторана соединил наши интересы не только в плане работы. И совпали мы, как две половинки, не только в творчестве. За много лет у меня появился мужчина, с которым было нелегко, но интересно. Его ум, юмор, его огромные букеты роз, его приезды на 5 минут в порог, чтобы только увидеть меня, преодолев при этом сотню километров (он жил в другом городе), его забота ... Самое важное для

меня: его приняли мои сыновья. И я сдалась в плен любви. Это был Павел. Любимое мужское имя моей мамы.

В нашей семье я установила правило: сыновья приводят в дом для официального знакомства только тех девушек, с которыми они намерены создать семью. Тот год дышал серьёзностью, как никогда. Первым привёл девушку Дениска. В «мужской» праздник мы познакомились с Меланьей. Смотрины состоялись. Они оставили приятность. В марте мы увидели Юлю. Димка пришёл вместе с девочкой, которая нам тоже понравилась.

– Мамуль, посмотри, Юля так похожа на тебя. – сказал сын. Ему это было важно.

Апрель месяц. Мой день рождения. Как всегда, розовые розы от моих мальчишек. От Павла неожиданно белые лилии. Наш праздничный ужин был не только со свечами, ужин был с сюрпризами...

Слова диктора на радио:

– Песня для самой необыкновенной на свете мамы Ирины от её любящих сыновей Дмитрия и Дениса и их невест Юлии и Меланьи...

Мои сыновья решили жениться. Свадебным месяцем был назначен сентябрь. Павел меня тоже удивил. Захотел жить с нами. Семья увеличилась в разы. Квартира у нас уже огромная, « сталинка». Было комфортно всем. Правда, Дениска и Меланья убежали на съёмную квартиру возвращать свою самостоятельность.

В конце апреля Дмитрий уехал в последнюю командировку. Сын очень часто звонил. Практически, через два-три дня.

– Мамулечка, я тебя так люблю. Ты это всегда помни. Я такой взрослый мужик, а жить без тебя не могу. Скучаю очень. Береги себя. Ты нам нужна.

Я не удивлялась. Старший всегда ко мне так откровенно со своей любовью. Младший более скуп, как ни странно. Но и от него я слышала слова любви ко мне

Дмитрий должен был вернуться в августе. Моя жизнь перешла в режим ожидания. Я работала, намечала планы по грандиозной свадьбе моих мальчишек, занималась благотворительностью, писала стихи. Наш тандем с Павлом вызывал зависть многих мужчин и женщин. Глаза светились такой любовью, что не заметить было невозможно. Я даже ревновала. А Павел жутко ревновал. Страсти будоражили кровь.

Лето на удивление выдалось жарким. Июнь месяц радовал изобилием цветов и солнца. А я перестала спать ночами. Не понимала, что со мной. Стихи спасали, но... Тревога во мне поселилась прочно. А потом и звонки от Дмитрия прекратились. Страх начал «кукожить» мою душу. Младший был занят невестой, своим бытом и своей работой. Юля уехала к своим родителям. Павел в новом проекте. Никто не видел моих тревог и моего уже дикого страха. Я замерла в ожидании. Чего? Не знаю.

Тревога дикая во мне.

Никак не справиться с собой.
Душа отдельно – на Луне,
А тело – на Земле изгой.
Располовинила себя.
Так виноватить мне кого?
Опять стучится в дом беда.
И мне совсем не всё равно.

16 июня. День, как день. Но я уже не понимала даже то, где я. Ночи белые. Заснула. И: сон? Бред? Явь? Глаза сына в темноте крошечной. Ярко и так близко. На всю Вселенную только его глаза. Зелёные и прощальные. Резко поднялась. Села. Сердце так громко стучало и отдавалось в висках, что я слышала его явно и чётко, как набат.

Полуявь. Полусон.
Полубред полуночный.
Не могу в этом плыть:
Всё беду мне пророчит.
И никак не случится.
Что должно в одночасье.
Моё сердце – пустыня –
Забыло о счастье.
Есть ли я? Иль была?
Холод мертвенных губ.
Всё во мне не живёт.

Замерло. И я – труп.

Уже неделя прошла, как старший перестал звонить. Такое было и раньше, когда он уезжал. Но тут? Металась душа. Я молилась. Пыталась жить. Занималась обычными делами. Принимала подруг и даже писала стихи.

Брутальность бытия сего
Изволь принять сейчас и сразу.
И отрицание моё...
К чему лукавить, неотвязно.
О, Боже мой! Да где предел
Моих терпений и страданий?
Мучитель мой всегда при мне.
Я с ним живу без покаяний.
Взывая утром к небесам,
Творя молитву перед сном,
Я всё же верю в чудеса
И пробиваю двери лбом.
Смешна до глупости судьба,
Но я довольна даже этим:
Моя дорога – не тропа.
Ещё над неё солнце светит.
И высота моей мечты
Мне расправляет крылья снова.
Я не пугаюсь глубины.

Я ко всему всегда готова.

Боже! Ежели бы знать! Мои слова «Я ко всему всегда готова»... К этому нельзя подготовиться.

Моё состояние сказалось—таки на наших отношениях с Павлом. Я себя не понимала. Как ему понять меня? Никак.

О любви не мечтаю
И совсем не хочу.
Погасило ненастье
Мне «на счастье» свечу.
Слёз солёных поток
Всё унять не могу
Жизнь торопит меня.
Я на месте бегу.
Солнце яркое здесь
Вдруг привиделось мне.
Но закрыто окно.
Только блик на стене.

Мы решили пожить отдельно. Не могу принять такой любви и таких отношений, когда счастье пополам, а вот, если тебе плохо, то это только твоё. Выберешься – сообщи, я вернусь.

Мне было всё равно на тот момент. Закрылась. Ушла в себя, как улитка в раковину, лелеять свои жемчужины. Я по-

теряла счёт дням. Не понимала, где утро, а где вечер. Казалось, что схожу с ума. Прошла вечность секунд, минут, часов, дней...

22 июня. Опять ночь. Вечная ночь уже. Я не могла дышать. Не могла просто вдохнуть. Болело всё. Сознание мутилось. Мне казалось, что схожу с ума от неизвестности и боли. Я, всегда такая сильная, стала такой слабой, что не могла передвигаться по дому.

Больно. Как до безумия больно
Солнечным светом дышать.
Птицей – подранком, но вольной
Мне в небесах бы летать.
Только не сердце, а камень –
Тяжесть от жгучей тоски
Тянет на дно меня, тянет.
Кровь разрывает виски.
Всё мне совсем непонятно.
Я умираю опять...
Звуки, как ржавые пятна...
Господи, сколько страдать?!

Я вспомнила Димкин госпиталь. Тогда тоже было лето и от него также не было никаких известий почти целый месяц. В то время я видела сон. Ясный и страшный. Я сижу на облаке. Сынуле 5 лет в моём сне и он падает на землю. Я кричу,

пытаюсь поймать его руку. Внизу зелёная трава. И такое яркое солнце было в моём сне. А сын падает. Вижу его огромные глаза. От страха проснулась. В тот раз всё обошлось.

23 июня утром мне сообщили, что сына больше нет. Он погиб в ночь на 17 июня. Тихо сползла по стенке. Не могла поверить в то, что мне сказали. Мой мальчик, везунчик, счастливчик, выходивший из любых ситуаций целым и невредимым... Нет! Нет! Нет!

«Скорая», уколы. Я не хотела жить, я не хотела дышать. Младший сын. Павел. Друзья.

Моя подруга сообщила отцу о гибели сына. Он не приехал, новая жена не пустила.

Бабушка Тая тоже не смогла приехать к любимому внуку – она «ушла» 12 мая, о чём и сообщили в отделении милиции.

Все близкие мне люди были рядом. Я впала в ступор. Я не могла представить себе, что такое предстоит испытание.

25 июня – мой самый страшный день. Привезли Димку. А увидеть его я не могла. Груз 200. Ничего не помню из того дня. Только сумасшедше – яркое солнце. Его свет выжигал меня дотла... Меня обливали водой, били по щекам, чтобы я начинала дышать. Спазм петлёй обматывал горло, и я падала в темноту. Я умирала на руках Павла... Я хотела уйти к сыну.

Утро следующего дня стало для меня чёрным. Всё такое же ослепительное солнце, а сына нет. И меня нет.

Мой сын закончил путь земной.

И я не знаю, что мне делать?
На улице жара и зной,
А я мертва: душой и телом.
Не пережить. Не передать...
И безысходность лишь вначале.
И не могу я всё предать,
Хотя я в скорби и печали.

Две недели рядом со мной по ночам была моя самая – самая подруга Светика. Она следила за тем, чтобы я не перестала дышать. Я впадала в забытьё. Меня надо было караулить. Так сказал врач. Когда она успевала отдыхать? Как она всё это пережила? Не понимаю. Ближе подруги у меня нет. А я же сильная. Стала возвращать себя к жизни. У меня второй сын. Он взял всё на свои плечи. За это низкий поклон. В нашей семье за мужчину теперь он. Денис и Меланья переехали ко мне обратно. Врач настойчиво просил не оставлять меня одну. Да и Шурку надо выгуливать, и за кОтами присматривать. Всех кормить. И меня в том числе. Очень поухадела за эти три недели.

Единственный мой младший сын,
Прошу. Пойми мою тоску.
Вас было два. Теперь один.
Не знаю, как переживу.
Спасибо за любовь ко мне.

Прости, что причиняю боль.
Горя на медленном огне,
Не знаю, делать что с собой.

Младший брал меня везде с собой. Даже на свои объекты. Я каталась целый день у него в машине. Дениска через день возил меня: то в церковь, то к Мите. Матушка Параскевья не утешала меня. Она позволяла мне вволю отвыть у икон свою невыносимую тоску. Она не говорила дежурных слов. Она сидела рядом и гладила меня по голове, как моя бабушка Паша в моём далёком детстве. Она и внешне была похожа. И мне становилось на миг легче. Только на миг. Не больше.

Своему старшему сыну я выбрала место не на Аллее Славы, как ему определили... Он лежит меж высоких мачтовых сосен на горе. Подальше от всех любопытных глаз. И всегда мне улыбается с фотографии. Он всегда был и есть мой Лучик солнца, а Дениска – мой Солнечный мальчик.

Два моих сына. Два крыла за спиной. И вот одно крыло вырвали... С кровью, с мясом .

Уже и на погосте меня знали все. Я приходила к сыну, и только вой из груди. Надрывный, животный. Женщины, которые были там, подсовывали библию и прочие книги. Для успокоения. Пытались беседовать со мной. А мне было всё равно. Меня складывало пополам от горя. Я ненавидела и себя, и весь мир в тот момент. Я настолько себя выматывала, что обратно идти уже не могла сама. И это солнце... Оно

будто издевалось надо мной. Июль стоял такой же жаркий. Все цветы теперь были для сына.

Один раз увидела Митю во сне. Он стоял у входной двери нашей квартиры в своей любимой чёрной футболке, склонив голову. И я слышала его:

– Прости...

Пыталась задержать сон. Не получилось. Сын растворился в темноте ночи.

Мне надо жить за нас обоих,
Мой милый сын, мой пилигрим.
Теперь твоя душа спокойна?
Судьбы виток необратим.
Не возвратить тебя из мрака.
Твой Млечный путь неведом мне.
В глазах моих иссякла влага.
Почаще приходи во сне.

В июле меня определили в больницу. И физическое состояние, и психическое были на грани. Больница находилась за городом в сосновом лесу. И тут сказалась моя сила воли. Никто из пациентов не знал, почему я здесь. Только врачи. Напросилась в самую большую палату. Нас было шесть человек. Писала стихи, пыталась работать. Рядом был пруд. Много плавала. До изнеможения. Младший остался на хозяйстве дома один, потому как его невеста уехала отдыхать

на море с подружками. Павел исчез из моей жизни совсем. Дениска звонил каждый день. Докладывал, как он справляется со всеми нашими звериками и своей работой. Я удивлялась его будущей жене. У жениха в доме горе, а Меланья на море с подружками. Хотя... Ни родители Меланьи, ни её многочисленные бабушки-дедушки не были ни на похоронах, ни потом у нас в доме ни разу... Зачем? Это чужое горе. И оно их совершенно не касалось. В больнице оказалось много молоденьких девчоночек и парнишек. Была удивлена. У всех свои трагедии. Я стала старшей сестрой, мамой, а где-то и нянькой. Отключила свой мозг от себя. Не плакала. Совсем. Застыла. Молодёжь всегда была со мной. Психологи проводили групповые занятия. Выхаживали и вытаскивали из состояния «не могу и не хочу жить» обратно в цвет и в свет жизни. Но не всё зависело только от врачей и психологов. От нас самих очень многое зависело. Направление к дороге жизни показали, а пойдёшь ли ты по ней или нет, определяешь сам. Мой лечащий врач оставил мне возможность работать. И это спасало. Мои проекты. Дениска забирал меня домой на выходные, где было сложнее справиться с собой. Но... Сын нуждался в отдыхе от нашего большого хозяйства. Понимала. Я – мама. У меня ещё один сын. Здесь. На Земле.

Пощади меня нынче, Господи.

Не могу я пока умирать

Ещё сын у меня. Пусть взрослый...
Но ему я нужна. Я – мать.
Дай мне силы. Терпенья, волю.
Не о многом тебя прошу.
Я плачу нестерпимой болью.
Дай мне выжить в таком аду.

На сороковой день Денис повёз меня к Димке. По дороге заехали за цветами. И тут сын изрёк:

– Мам, не надо покупать на погост очень дорогие цветы. Их всё равно воруют.

Меня обожгло. Дениска рассказал, что тот огромный куст белых лилий, которые мы отвезли перед моей больницей, а это всего две недели тому назад, украли. Так сказал папа Меланьи. Он ездил к своей маме и видел. Был конец июля. Цветов разнообразных огромное количество у женщин, что торгуют на улице. Купили много букетов у бабушек. Всё, что касалось моего старшего сына, било больно наотмашь. Со всей силы. Эта боль до сих пор, только теперь я могу взять свои эмоции в руки, как говорят. Раньше нет. Голову «сносило» моментально.

В слезах доехала до Димки. С дороги ничего не было видно. Но я приготовила себя к такому низкому поступку людей– нелюдей... Иду.

Боже, какое чудо я увидела, когда подошла ближе. Куст лилий стоял на месте. Только цветы из белых стали розовы-

ми. Куст распустился весь, до самого последнего цветка и нежно розовел. Старший сын меня ждал. Не верила своим глазам. Но ... Он был рядом.

Я до сих пор ещё не верю,
Что сына просто больше нет.
И всё осталось там, за дверью
И для меня померк весь свет.
Не знаю, в это как поверить?
Что сына нет на всей Земле?
И не спросить: он не ответит,
Но я его ищу везде!
Мой солнца Лучик, звёздный мальчик,
Счастливчик и везунчик мой.
Глаза молят и сердце плачет,
Что не придёшь уже домой.

Почти 1,5 месяца провела с обществом, которое нуждалось в теплоте и понимании. Сосновый бор давал мне возможность побыть одной. Пыталась собрать себя в одно целое: тело и душу. Надо было жить дальше. И не как-то, а жить...

Юля – невеста Димы сразу попала в больницу, когда ей сообщили о женихе. И вскоре пришла со мной прощаться. Она решила уехать из города потому, что ей невыносимо здесь жить одной, без Димы, где всё о нём напоминает. Девочка

рассказала мне такие милые подробности из их совместной жизни.

Как-то Юля и Димка пошли покупать ей босоножки. Ходили, выбирали. Купили. И, когда они вышли из магазина, Димка подхватил Юлю на руки и закружил, говоря:

– А мы Юльке купили босоножки, ура!

Сразу узнала в этом сына. И другой случай. Димка обещал, но не приехал вовремя, Юля обиделась. Разувшись в коридоре и окликнув Юлю, он понял, что надо исправлять ситуацию. У Юли жила болонка Жужа. Дима позвал собачку. Встал на четвереньки и так они пришли к Юле просить прощение. Вдвоём. Как тут не улыбнуться и не простить? В этом был весь мой старший сын.

Боль у сердца такая жгучая.
И живу я сейчас, как в бреду.
Всю себя я совсем измучила.
Не могу без тебя. Не хочу!
Засыпаю, как падаю в бездну.
Утро снова, но нет тебя, сын.
Где-то там голубая вечность.
В ней ты бродишь уже один.
Я молюсь и прошу у Бога
Дать покой твоей светлой душе.
Но какая тебя ждёт дорога?

И придёшь ли опять ко мне?
Я не знаю, как выжить с этим:
Нет тебя на земле мой сын.
Нет тебя. Но живёт планета.
Солнце ярко и неба синь.
Не хотел уходить, я знаю.
Столько планов оставил здесь.
И опять я свечу зажигаю.
Нет тебя. Но, а я – то есть?

После больницы закрылась в себе. Только я и моя боль.
Другого чувствовать не могла.

Однажды проснулась с таким ощущением, что сын мой
ЖИВ! До физического ощущения. И такое облегчение – ка-
мень с души вниз... Мне всё приснилось. Это моё горе, эта
моя безнадёга, эти рыдания в подушку, эти сочувствующие
взгляды соседей, эти мои дни и ночи в одинаковой темно-
те... Господи, СПАСИБО! Вздох. И всё закончилось. Я вер-
нулась в реальность.

Лишь солнца луч скользнёт украдкой
Ладонкой тёплой по лицу,
Я просыпаюсь с мыслью сладкой,
Что ты – живой! И я живу.
Но пробужденье – есть страданье.
Ведь я к реальности вернусь.

Твои глаза – напоминанье.
И не излить из сердца грусть.
А жить мне с этим где – то Вечность...
Как будто я спасти могла...
Твоя извечная беспечность,
Лишь чёрный цвет приобрела.
Мой милый сын, я всё не верю,
Что нет тебя здесь на земле.
Я буду ждать, откроешь двери.
Из темноты шагнёшь ко мне.

Постоянная боль, которая не отпускала ни утром, ни днём, ни вечером, ни ночью, разъедала мне душу, как ржа, и рвала моё уже разорванное сердце в более мелкие кусочки. Я могла идти по улице, остановиться и завывать в голос. Со стороны выглядело, как сумасшествие. А потому пыталась быть одна. Всегда.

Павел сделал у Димки на погосте скамью. Но мне на глаза не показывался. Оставил меня. Не понимала, но приняла. На той скамье сидела часами. Часто стояла на коленях и молилась, молилась, молилась.

О том, как жутко мне бывает,
Об этом знаю только я.
И солнца луч не умиляет,
Когда нет сына у меня.

Я осознать ещё не в силах
Всю бездну боли без него.
А жизнь? Она проходит мимо.
Опять всё то же бытие.
Моё любимое словечко,
Но суть его, лишь море слёз.
Ушёл совсем. Ушёл навечно,
Оставив мне букет из роз.
Три белых розы мне на память
Из дорогих сыновьих рук.
И как понять себя заставить,
Что сам он выбрал этот путь.
Себя терзаю вечной мукой,
Не покидающей на миг:
Закономерность или случай?
Ушёл он слишком молодым.

Свадьбу Дениса и Меланьи, конечно, отложили. На год. Пока я не приду в норму. И... это ненавистное слово— траур не закончится.

Всю свою боль выливала в стихи. Писала много. Очень. Начала писала письма Мите, и приносила их ему каждую неделю. Цветы, мои письма, мои открытки, свечи.

Как спасательный круг из мира реальности, для меня была одна-единственная зацепка – младший сын. Как могу его оставить одного на этой Земле? Да, он уже взрослый. Но для

любящей мамы её дитя – это всегда дитя: и в 10, и в 17, и в 25...

Наверное, со мной было трудно и не очень понятно моё поведение даже моему младшему сыну.

Я просыпаюсь с мыслью, что нет уже тебя...
Но также солнце светит и кружится земля.
Я к этой мысли дикой привыкнуть не смогу.
И разрываю сердце, себя не берегу.
Но есть ещё на свете кровиночка, мой сын.
Любимый, неединственный...
Теперь совсем один.

*

Я не верю. Не верю в потерю.
И поверить смогу ли едва.
Солнце светит иль дождик ...за дверью.
Мне её не открыть: я – жива.
Есть мой младший и тоже любимый.
И теперь вся забота о нём.
Я хочу, чтобы он был счастливым
Звёздной ночью и пасмурным днём.
Разделили мне сердце на части,
Пополам раздвоили меня.
И уже не в моей это власти
Всё вернуть. Это, просто, нельзя.

Не помню, объясняла ли я своему младшему, как мне сейчас невыносимо жить каждый день. Как страшно ждать ночи и утыкаться потом в книгу, не понимая смысла там написанного, только для того, чтобы не возвращаться всеми своим мыслями обратно в нашу жизнь и осознавать, разрывая сердце, что ничего нельзя вернуть... Ничего и никогда. Но в своих стихах я говорила с ним... С моим младшим и любимым сыном.

Мой сын, хочу тебе сказать
Что дважды два не будет пять
Проклятый круг не разорвать,
А, значит, с болью жить опять.
Меня прости, мой младший сын.
Ты не единственный. Один.
Ты, мной по – прежнему, любим,
Мой кареглазый не блондин.

Мои сыновья и я – это было одно целое и неделимое. Я их отлично чувствовала всегда, как и они меня. Иногда мы с Дениской оба видели в парнишках нашего Димку, причём одновременно: то куртка такая же, то походка очень похожая, то разворот головы... И наша Шурка, наш преданный черныш, кидалась к молодому человеку и заглядывала в лицо, тоже искала Димку, если видела в нём похожего. Приходилось извиняться за её собачью беспардонность. На ред-

кость, все относились с пониманием. Не кричали, не злобились. Вероятно, видели мои глаза, которые всегда наполнились слезами, едва произносила имя старшего сына. Спасибо тем, кто был так терпелив к чужой маме в её горе.

Ты сбил себя на самом взлёте,
А я корю себя, корю.
Везунчик – мальчик, где ты? Что ты?
Тебя по-прежнему люблю.
Я вспоминаю всё, что было:
Твой первый шаг и первый смех...
А сердце в инее застыло:
Ты был со мной, теперь вот нет.
Твои глаза – девчонок зависть.
И руки сильные твои.
Но ничего мне не исправить.
И не вернуть. Не изменить.

*

Ты так нелепо, мой родной, ушёл.
И я не знаю, как мне с этим быть?
Ты смерть свою случайную нашёл.
Мне с этой болью весь остаток жить.
Не сберегла, ведь ты уже большой.
Сам выбрал путь. Считал себя счастливым.
А обернулось всё, лишь горем и бедой.
И жизни нет во мне. Пустынно и постыло.

Моя нить с Димкой крепко держала меня. И никто мне был не указ. Только – только всё случилось! И никакие уговоры... Надо «отпустить...» Как «отпустить», если я не могу осознать, что сына нет на Земле?

Не пережить! Не передать!
Как можно чувствовать потерю...
И это может только мать.
Вот сына – нет. А я НЕ ВЕРЮ!

Наша Шурка была со мной. Она крепко запомнила дорогу к сыну. Всегда ходила и хожу к нему пешком. Это около 1,5 часов пути: город, лес. Мимо того памятника молодому человеку... Теперь одна. Или с Шуркой. Уже есть к кому... К старшему сыну. Горечь петлёй, как и раньше...

Винила себя. Очень сильно. Могла же уговорить, настоять, запретить, в конце концов. Тогда я не понимала, что не могла. Это только его судьба. Такая судьба, но только его, моего мальчика, моего старшего сына.

Прости меня, мой мальчик, тебя не сберегла.
Теперь твоё пристанище лишь мгла и тишина.
Каким ты был счастливым и солнечным каким!
Прости меня, мой милый. За всё меня прости.

Шурка вела меня сама к сыну, как только я ей говорила:

– Шурика, к Диме идём.

Дорога по кладбищу длинная. Всех уже узнавала по памятникам, если слёзы не заливали моё лицо и мою душу. Моя собака так любила старшего сына, что сама не знала, как разорваться между мной и им. У сына она ложилась мордой к его лицу и так лежала часами, пока я сидела и разговаривала с ним или ... Солнце ли, хмарь ли... Что воля, что неволя. Невообразимое начиналось тогда, когда я решала-таки идти домой. Шурка будто не слышала. Как лежала, так и оставалась лежать. Даже ухом не вела. Я уходила к дороге. Не идёт. Возвращалась обратно. Не могла же собаку оставить одну.

Мы опять были с Димкой. И так могло продолжаться ещё несколько часов. Шурка подолгу не уходила от сына. У них была своя связь. Димка, когда был дома, много гулял с ней и баловал её, как мог. Я сердилась, что сын собаку расхолаживает. Шурку подарили сыновья. Решили, что мне нужен кто-то, кроме них, для заботы. Два кота не в счёт. Их надо любить и кормить. И всё. А тут: гулять по три раза в день, дрессировать и... много всего. И для охраны. Лучшая, какая есть из собак. Наш второй русский чёрный терьер – Шарлотта де Карда. По-простому, Шурка. Шарлотта – это для шарма. Карда – это богиня затворов и замков, хранительница семьи. «Карда» осталась от нашей первой собаки – Рады Карды Ричи. Своё назначение Рада выполнила на 6 по пятибалльной системе, несколько раз спасала семью от гибели, в буквальном смысле. Потому и второй оставили это переходящее

имя. Для охраны семьи. Кто же знал, что это не спасёт моего сына.

Потом я снова уходила. Далеко. Шурка понимала, что не вернусь обратно, и медленно плелась за мной, постоянно оглядываясь. Я наблюдала за поведением собаки, если была в состоянии, что – либо видеть. Шурка вела себя по-разному, когда мы приходили к Димке. Могла часами лежать неподвижно. Иногда срывалась и куда-то убегала, возвращаясь через какое-то время.

Было и так: она вставала на скамью передними лапами и начинала вглядываться, но только в одну сторону, очень пристально и подолгу.

О том, чтобы к нам кто-то близко подошёл, не могло быть и речи. Издалека людей предупреждали – это наша территория. Никто не смеет сюда вторгаться.

Нашу территорию я устроила, как дизайнер. Альпийская горка в цветах и травах, с кустами и даже деревьями, где каждый сантиметр пролит моими горячими слезами и удобрен моими молитвами.

Стихи каждый день. Не могла оторваться от карандаша. Писала и писала. Откуда что шло? Не знаю. Записывала всё, что приходило мне сверху, еле успевая и хватая мысль, буквально, за последние буквы.

Леденящий ужас сковывает душу.
Начинаю я сердцем понимать,

Что мой сын уже, клятвы не нарушив,
Не придёт ко мне... Но я буду ждать.
Буду ждать всегда, зная безнадёжно,
Что с небес, увы, возвращения нет.
А что сына нет, мне поверить сложно:
Вижу наяву глаз зелёных свет.
Волосы его пахнут разнотравьем.
Сильная ладонь гладит по плечам.
Мальчик мой родной, Лучик долгожданный,
Как мне жить теперь здесь и без тебя?

*

С болью своей не расстаться
Мне никогда – никогда.
Где-то есть солнце и небо.
Где-то луна и звезда.
Только не будет мне больше
Счастья на этой земле.
Сын мой, мой солнечный лучик,
Как-то погас в вышине.

*

Не могу принять, не хочу,
Что мой сын, так уйдя, не вернётся.
Снова я зажигаю свечу.
Вся застыла и сердце не бьётся.
Я слезами уже не давлюсь:
Просто лето и просто живу я.

Богу истово я не молюсь.

Что случилось, принять не готова.

*

Очень больно так жить. Очень больно.

И не знаю, помочь как себе.

Эта жизнь – с кандалами неволя.

Солнце есть, но оно в вышине.

Половина моя в этом мире.

А другая не знаю и где...

На расстрел повели, не убили.

Только сердце изранили мне.

Я замкнулась в своём горе. Всё разделила на «до» и «сейчас». И этого «сейчас» не было у меня. Я работала. Был самый сезон для ландшафтного дизайна. Как и что у меня получалось, не знаю. Людям нравилось. Выслушивала похвалы, получала деньги за работу, принимала новые заказы. Но. Всё потеряло смысл. Я «почернела», как говорят. И душа, и тело. Младший сын. Это держало. Крепко. Очень крепко.

Вся жизнь, как в театре: лишь горе и слёзы.

Досталась опять трагедийная роль.

За что мне такая вдруг выпала доля,

Где мало халвы, остальное всё – соль?

Как много на свете великих комедий,

Но жребий мой чёрен. Увы, не свернуть.

От счастья осколки блестящих мгновений.
Судьба повернулась спиной – это суть.
Не знаю, как быть? Где найти этот остров?
Зарыться, как страус трусливый в песок.
Но... сын у меня. И пусть уже взрослый.
Я стойко живу. Кровь стучится в висок.

*

Неправда всё! Не верю! Не хочу!
И не смогу поверить никогда.
Мой сын на небе... Зажигая я свечу.
А младшего нельзя мне предавать.
Борюсь с собой. И знает только Бог,
Как трудно мне даётся каждый день.
И жизнь моя – не храм. Уже острог.
И я в ночи. И не звучит свирель.

Была вхожа в нашу дружную семью, кроме Светики, уже моя ровесница, интеллигентная, всегда модно одетая – Галина Николаевна. Друг семьи, как я считала тогда. Одинокая женщина, у которой не было детей и мы задружились очень сильно. Практически, каждый вечер она заходила к нам на «тарелку супа». Всегда ждали. Юмор у Галины Николаевны на «пять». А я люблю готовить и умею это делать.

Дмитрий превосходно кашеварил. Это началось в 9 лет, когда сыновья угостили меня своим первым тортом «Пирог с необитаемого острова». Сыровато тесто и яблоки жестко-

ваты. А я ела и хвалила. С этого и начались Димкины «безе», торты из батона и... Блины он освоил раньше меня. За себя было стыдно. За сына распирала гордость.

Галина Николаевна тоже обожала, когда Дмитрий дома и готовил свои изыски. А мы были не против: всегда рады хорошим людям в своём доме. Димка часто помогал ей по хозяйству: что где прибить или починить. Руки и в этом деле были на месте.

После моей больницы Галина Николаевна зашла как-то вечером к нам и затеяла такой разговор. Оказывается: Дмитрий взял у неё телефон в починку и теперь ей надо его вернуть.

Даже искать не стала этот телефон, только спросила:
– Сколько денег?

Подруга, каковой её считала, в такой момент начала разговор о деньгах. Понимаю, если бы женщина нуждалась. Нет, вполне успешная. Отдала деньги без вопросов. Но и общаться с ней резко прекратила. Если человек, тем более, женщина, не понимает таких элементарных вещей, как сочувствие... Для меня это было совершенно неприемлемо. Она удивлялась долго. Даже вспомнила, что как-то брала у Дениса телефон на время, а его украли вместе с сумкой. Мы тогда дружно сказали:

– Бог с ним, с телефоном. У тебя и так стресс от кражи сумки.

Мы дружно забыли про телефон. Галина Николаевна, ве-

роятно, тоже. Экс-подруга тогда совершила ещё одну непростительную глупость: она решила вернуть разницу в стоимости телефонов. Я не обязана взрослому человеку объяснять, что хорошо, что плохо. Душа обязана трудиться. А, если нет души, то какая дружба?

Больно рвётся любая нить, что связывает людей. Испытания на прочность.

В четырнадцать лет я повесила над своим письменным столом слова Фридриха Ницше: « То, что меня не убивает, делает меня сильнее».

Провидение? Готовила себя к будущему? Невольно вытаскиваешь из памяти всё, что хоть как-то тебя приближает к пониманию: почему так случилось? почему со мной?

Я искала людей, у которых такое же горе – потеря сына, для того, чтобы понять хоть на каплю, как с этим живут и живут ли? Судьба поэта Андрея Дементьева. Вникла в его горе. Но это же так далеко. Рядом со мной не было людей, у которых бы болела также душа, как и у меня. И слава Богу. Никому не желаю испытать эту боль!!! Именно, эту. Остальное можно понять и принять. Смерть родителей, мужа, жены, друзей. Но не детей. Это противозаконно. Это противозаконно, когда ТЫ ходишь на могилу к сыну и носишь ему цветы и письма. Это жутко несправедливо.

Как-то раз в магазине ко мне подошла женщина, наша местная блаженная Элла, как её называли. Она попросила денежку в долг. Я дала. Так было не раз. Она брала в долг

и отдавала. Может просто для того, чтобы поговорить. Мы с ней беседовали. Иногда обсуждали новости квартала. Я не вдавалась в подробности, что с ней произошло. Отчего она такая. Была? Стала? А тут продавец рассказала, что у женщины погиб единственный сын. Очень давно. Сама Элла – учитель по классу скрипки в музыкальном училище. Была. После потери сына психика не выдержала. Я ужаснулась. И чётко для себя определила: не хочу быть такой. Буду бороться с собой за себя ради себя, чтобы не быть никому в обузу и в жаль. Потом.

Живу сейчас, не зная счастья.
Хрустальный куб не леденит.
Он наделён безмерной властью:
Он – сердце, а душа – гранит.
Все звуки в ступоре зависли,
Мерцают стрелами звезды.
Как много нам судьба сулила!...
И отняла с тобой мечты.
Но я не сдамся, ты же знаешь.
Характер у меня так крут.
И я опять хожу по краю
Ради тебя, мой сын и друг.

*

Не всё так безоблачно солнечным утром,
Когда просыпаюсь, встречая зарю.

Но боль отступила. Ушла на минутку.
И я ощущаю, что просто живу.
А лет ... я не знаю, Бог сколько отмерил.
И я не спешу уходить в синеву.
Мой старший – он Ангелом будет мне верным.
А младший мой здесь. Для него и живу.

В конце октября вдруг объявился Павел. До этого не было даже звонка. Ключ от моей квартиры у него остался. Приехал в моё отсутствие. Привёз мои любимые конфеты «Птичье молоко» и моё любимое вино «Мартини Бьянка». Оставил всё на кухне и уснул на диване в гостиной, как раньше. Милая картина открылась мне, когда зашла домой. Не знала, что ему могу сказать и смогу ли, вообще, разговаривать с ним. Павел появился, именно, тогда, когда я начала сама возвращаться в реальность. Не принимая происшедшего, но возвращая себя в бытиё.

Сидя в кресле, смотрела на спящего, прежде, любимого мужчину. Всё тот же. Красивое и умное лицо. Даже во сне. Но как далеко он от меня сейчас. Разрыв в месяцы стал разрывом в жизнь. Не понимала и не хотела понимать: почему он так со мной. Это сейчас так неважно. Всё уже случилось.

Меня повергли в шок его слова, когда он проснулся:

– Мне сказали, что тебе совсем плохо. Вот, решил проверить.

Не обижаюсь на людей и злюсь редко. Безмерно удивля-

уюсь, когда мой мозг, душа и сердце не принимают их слова и поступки. Казалось бы элементарные понятия: соучастие и обыкновенное сочувствие. Для некоторых это – запредельность и она становится космически непреодолимой. Так случилось и с Павлом. Мы пили вино, ели конфеты на кухне. Самое уютное место, как и во многих домах. Круглый стол, который должен сближать людей, сидящих за ним, разделил нас спирально. Я размышляла о том, как родной мне человек мог произнести такие слова и что он думал, когда не приезжал так долго. По его мнению, я должна была танцевать и петь все эти месяцы?

Его очередная фраза, как говорят, «добила» меня:

– Ты после похорон перестала замечать меня. На третий день я понял, что не нужен тебе. И решил не приезжать.

Эгоизм? Уход от проблемы таким образом? Мужской страх? Что?

В тот момент я поняла, почему мужья оставляют жён после потери своих детей. Бессилие и ужас от происшедшего в слабых духом мужчинах, которых и мужчинами сложно назвать, потому как мужчина – от слова «мужество». Вот так один на один и остаются мамы со своим горем. Как тут не сломаться? Один удар за другим. Только я начала себя уже возвращать. Долго, мучительно, срываясь в боль, каждый день, час за часом, день за днём училась снова жить.

Если б каждый игрок,

Знал отпущенный срок.
Он не делал бы грубых ошибок.
Вот крутой поворот
Что: паденье иль взлёт?
Ведь порою судьба без улыбок.
Кто могуч, а кто зол,
Кто-то просто сошёл,
Кто зевает, кто просто ленивый.
Путь отмеренный мой,
Он такой непростой,
Заставляет меня быть стожильной.
Я с собою борюсь,
Ничего не боюсь,
И от горя лишь слёзы бессилья.
Может я не права:
Так люблю быть одна.
Крик души, но не связаны крылья.
Путь – дорогой прямой.
Этот год – он лихой.
Счастье бродит моё, но всё мимо.
Где-то светит звезда,
Пусть пока не моя.
Я достану её. Буду сильной.

Подружилась со своими психологами из больницы. Мы созванивались и встречались. Это, конечно, огромный плюс,

когда профессионалы помогают тебе в преодолении себя. Мы перешли на другой уровень общения – дружба. У психологов тоже и свои боли, и свои радости. Все мы – живые люди, независимо от профессии. Врач Наталья была со мной у Димы.

Денис и Меланья жили у меня. На первый взгляд наше совместное сосуществование было нормальным. Но тут во мне появилась такая особенность, как обостренное восприятие всего. Я и раньше как-то чувствовала людей, с заказчиками же работала. Близких воспринимала по-особенному. Там была безусловная любовь и аксиома тёплых отношений. Так считала. Меланья же состояла из одних «нет». Любой мой вопрос и любое моё предложение начиналось с «нет». Даже элементарное:

– Чайку попью, я печеньки вкусные купила? – с обязательного «нет». Но мне было не до того. Я училась жить.

С родителями Меланьи мы так и не познакомились. Они не считали нужным что ли? Не помню. Их дочь жила у меня в квартире, но по субботам убегала к маме – убирать родительскую квартиру. А я тут сама: и приборка, и обеды – ужины – завтраки. Денису пыталась говорить об этом, но:

– Мам, как я ей скажу? Она же не жена мне ещё.

Удивительно, но факт. А кто тебе Меланья? Невеста. Приняла и это. Только попросила детей не торопиться со свадьбой. Надеялась, что они меня поняли оба. И так, как надо. Именно, как сказала:

– Присмотритесь друг к другу, это на всю вашу жизнь.

Где-то я была не против Меланьи, но череда её поступков меня настораживала. В том числе и аборт меньше года назад. Само собой я была «за» рождение ребёнка, но мама Меланьи – медик по образованию, но не по призванию, как оказалось потом, отправила дочь на осмотр к своей ближайшей подруге – гинекологу. Та настоятельно рекомендовала прервать беременность по каким-то немедленно открывшимся показателям, где главным виновником был мой сын. Не знаю, что там было на самом деле. По истечению времени, всё оказалось фарсом, о чём меня уведомила сама Меланья. Её подружки с таким же диагнозом родили здоровых детей. Меня это потрясло – убийство моего внука или внучки. Согласия Дениса, как поняла, никто и не спрашивал. До моего ли мнения? Я-то кто такая для них?

Холодность Меланьи по отношению ко мне была очевидна. Она как бы пыталась проявить участие, не говорю о сочувствии, но это было настолько «по обязанности»: надо дать лекарство? – да, капли посчитать в ложку не сложно. И Дениса – моего сына Меланья не любила. Я видела это, как всякая любящая своего сына мама. Тут не ревность матери к избраннице сына. Пытаюсь уважать выбор каждого, даже, если не разделяю. Вероятно, девочка хотела полюбить, но не могла. Не каждому дано – любить. Любовь, как искусство, даётся не каждому. А тут возраст приближается. Да и жених подходящий: хороший мальчик из хорошей семьи, где

наследство останется уже только ему. Подружка Меланьи с долей зависти высказала суть замужества в двух коротких предложениях:

– Повезло Меланье. Сын у Вас один.

Пример такого меркантилизма был пройден мной ранее. Жена моего брата Лиля, сразу после свадьбы, в свои девятнадцать лет, глядя мне прямо в глаза, сделала заявление:

– Жаль, что у Андрея есть сестра. Придётся делиться. Не пришлось.

Странности Меланьи приводили меня в изумление. Мы с Денисом начали совместный большой объект. Он был за городом. Курировали вместе. Меланья ни разу не осталась в нашей квартире одна.

– Мне страшно. Квартира у вас огромная, – её аргументы.

Квартира в центре района. Два телефона. Охранная собака в квартире. Приходилось опять просить мою Светику то выгулять собаку, то накормить котов, если мы возвращались домой поздно. Такое поведение будущей невестки теплоты в наши отношения не добавляло. У Дениса розовые очки были во всё тело. И слышать ничего не желал. Приходилось, молча, наблюдать. Уже могла оценивать ситуации не в пользу Меланьи. К сожалению, для себя.

Как только мои сыновья дорастали до возраста, когда девочки интересовали их не только в плане поцелуев в щёчку, я проводила с ними долгие и познавательные беседы на тему ответственности за тех же девочек и их неожиданных бере-

менностей. Категорически против медицинских убийств детей. И Денис знал об этом. И Меланью поставила в известность.

Как же я хотела счастья младшему. Такого счастья, чтобы и за нас с Димкой. По – полной.

Не понимаю ничего
Я в этом мире странном.
Меня всё по пустякам,
Не думаю о главном.
В чём смысл жизни моей всей?
И на Земле зачем я?
Суть состоит лишь из потерь
И горького молчанья.
Душа кричит, а сердце – лёд.
Случилось, не исправишь.
Хоть зазовусь, сын не придёт.
Печаль от чёрных клавиш.
Вуаль закрыла белый свет.
Бреду, давясь слезами.
Я не могу себя жалеть.
Есть сын второй. Я – мама.

Павел вернулся в свою семью, но ко мне вдруг стал заезжать. Дружить. Абсолютно чужой человек. Вот так и бывает, когда любишь и слепо доверяешь, то и ждёшь тех поступков,

на которые сам способен в порывах и «без». Увы! Это была моя проекция на Павла. Он – другой. А значит, не мой. Тем больнее, ведь раньше и мысли совпадали, и наши сны.

Вот Светика была своей, а потому и рядом. Одна из всех. Всегда и насколько можно со мной. Наша дружба цементировалась моим горем и её постоянным самоотверженным присутствием в нашей семье. У неё абсолютное участие во всём: в словах, в поступках. Наши душевные беседы за чашками чая... Они много значили для меня. Светика – тот человек, на которого абсолютно могу положиться: не предаст никогда. Меланья и её удивляла, хотя моя подруга могла найти оправдание любому поступку любого человека. Безмерность её доброты, иногда в ущерб ей же... Такова моя подруга, проверенная годами. Этот позитив был мне тогда жизненно необходим.

В ноябре Денис сделал официальное предложение Меланье и поехал просить её руки к родителям. Без меня. Укололо, конечно, это. Но ...мелочь же. Не заострила. Им жить.

Полгода – срок уже не малый.

Поверить в это не могу.

Для сыновей и друг, и мама.

Своё им сердце отдаю.

Два сына. Две моих кровинки.

Без них и жизнь, как пустоцвет.

Но слёзы льются. Не слезинки:

Ведь одного на свете нет.
Ушёл совсем и не вернётся.
Он поселился в небесах.
Лишь лунной ночью улыбнётся
Звезда, что ярче всех в глазах.

*

Прихожу постепенно до точки
Понимания зла бытия.
Предыдущая жизнь лишь цветочки.
Мимолётным мгновеньем прошла.
Все проклятья мной собраны вместе.
И не женщина я, а судьба.
Младший сын обзавёлся невестой,
Старший просто ушёл в небеса.
Пополам разорвали мне сердце.
И слезами, увы, не помочь.
Существуя, пытаюсь отвлечься...
Возвращаюсь в июньскую ночь.
И глаза выжигают мне душу.
Не уйти мне от них никогда.
Стиснув зубы, чтоб стоны не слышно...
Я молюсь. В небе светит звезда.

*

Сердце, будто открытая рана:
Не залечишь её, не зашьёшь.
Что ни день, то какая-то странность.

Утро хмурое – сладкая ложь.
И прошу я защиты у Бога
Для моих ненаглядных детей.
Оба живы. На фото. Здоровы.
И люблю я двоих сыновей.
Только старший мой Ангелом к звёздам
Проложил себе путь в небеса.
От него у меня только розы,
Что стоят в хрустале и слезах.
Младший рядом, но с кем-то и где-то.
Вырос сын и уже не сдержатъ.
Материнское слово – не вето.
И его мне приходится ждать.
Не ропщу я на эту злодейку,
Что в народе зовётся судьбой.
Я живу и на чудо надеюсь.
Цвет любимый теперь золотой.

Денис отдалился от меня. Конечно, я радовалась, что теперь у младшего новые заботы и новые общения. Сыну нравился будущий тесть. Понимала, что отсутствие взрослого мужчины в нашей семье, это в чём-то отсутствие и мужского понимания жизни в каких-то её моментах. Михаил Васильевич – бывший военный. Мне казалось, что это изначально: ответственность, порядочность и честь. Старший сын убедил меня в этом. Своим образом жизни.

А я мучила себя вопросами, ответов на которые никто не мог дать: почему так со мной? почему мой сын? Будто другой матери легче и проще, если у неё сына «заберут». Неважно как: автомобильная катастрофа, пьяная драка, преступники, война, пожар... Сколько всего происходит на нашей грешной Земле каждый миг. И сколько других матерей также безутешны в своём горе в этот же миг. В тот год для меня моё горе ещё ТАК болело, что я не могла думать о других. Все мы – мамы становимся где-то и как-то эгоистками, когда у нас «отбирают» детей.

Где мой сын? Почему не могу я
Прикоснуться к нему и обнять?
Дни и ночи бегут торопливо.
Невозможного мне не принять.
Постоянно все чувства и мысли
Заполняет мой сын дорогой.
И навязчиво крутится «если»...
У него нет дороги домой.
Где-то звёзды сияют ночами...
Только он – моё солнце всегда.
Ничего нет для мамы печальней –
Раньше сын улетел в небеса.

Я часто закрывалась в своей спальне, когда никого не было в квартире, и выла, сидя на полу. А потом, истратив все

силы, впадала в забытье, чтобы хоть на какое-то время уйти от страшной действительности. Мои зверики: моя Шурка и мои коты Генрих с Фациком стали моими психологами без вызова. Безудержная любовь этих звериков спасала меня. Ещё одна «цеплялка» жизни. Им без меня совершенно никак.

«Мы все в ответе за тех, кого приручили»... Это и я с детства знала, и мои мальчики. «Маленький Принц» – одна из лучших книг, обучающая любви. Всё в этом мире есть любовь. И себя любить тоже надо учиться. Себя не любишь, как других полюбить?

В стихах я живу, всю реальность попутав.
И манны чудесной не жду я с небес.
И мысли мои – дикий конь, только в путях.
Душа почернела. Тяжёлый мой крест.
Зима на пороге. А мне безразлично.
Сегодня мой день весь в слезах и тоске.
И я не ропщу, что одна, как обычно.
В дела зарываюсь, но всё, как во сне.
Я к Богу с вопросом своим постоянным.
Как будто услышу ответ на него.
Никто никому и ничем не обязан.
Мой сын не со мной. Я молюсь. Вот и всё.

Много фотографий в доме – моя страсть. Они у меня вез-

де. Мои мальчики, я с сыновьями, наши родные и друзья. Фотографии стоят и висят во всех наших комнатах. Будто и не одна, даже, если одна. Можно остановиться и поговорить с фотографией, как с живым человеком или просто посмотреть и вспомнить.

После «ухода» сына мне советовали убрать все его фотографии. Зачем? Отвечали по-разному: чтобы не было больно, когда видишь; так принято... Не помню всей ерунды причинной. Если мне хорошо, когда сын рядом, пусть только на портретах, зачем мне убирать его фотографии?

Все устои исходят от людей. Каноны «можно – нельзя». Кто их создаёт? Люди. Я тоже человек и у меня свои каноны. Собственные. И фотографий сына стало больше. Я окружила себя его образами. Мой сын всегда со мной. Так хотела сама.

Пусть Ангел поможет взлететь,
Лишь крылья опустятся вниз.
Пусть Ангел поможет мне спеть
По нотным строкам мою жизнь.
В июне судьба пополам
И я половиной живу.
И сердце с душой просто в хлам.
С ума потихоньку схожу?
Портреты поглажу рукой.
Мне сын лишь смеётся в ответ.
Кем выткан узор с чернотой?

На сколько отпущенных лет?
Встаю с этой мыслью немой
И ночью я с нею ложусь.
Луна за окном. Стисну стон.
Беззвучно на звёзды молюсь.

Оставаясь одна, часто пересматривала наши семейные альбомы, где мы были беспредельно счастливы или просто счастливы, или просто были... Все вместе. Втроём. Пропасть разделяла НАШЕ, где мы вместе, и определяла уже только МОЁ одиночество. Не знаю, какое имя дать тому времени, когда оказалась в ледяном кубе из немоты, хотя народа вокруг было более, чем достаточно. Сама себя замуровала в него. И не впускала к себе никого. Мне так было легче и даже уютнее, может быть.

Я думала: «Меня счастливей нет»,
Когда мы вместе были все втроём.
И не ждала я ниоткуда бед.
Не ведала, что тьма накроет дом.
Распахнут был навстречу целый мир.
И каждый день из солнечных прозрений.
Но сын «ушёл». Мой ясный пилигрим.
На память мне мозаика мгновений.
Картина вся рассыпалась в куски,
Лишь груда красок. Холст, как гильотина.

На счёт идут с июньской ночи дни.
Жизнь, как туман, слепа необратимо.

Навязчивый вопрос к себе не оставлял меня: что сделала не так? Чувство вины перехлёстывало через край. Перебирала все возможные другие варианты: как могла сложиться судьба старшего сына и тогда, конечно, моя. Такие радужные картинки и... Волны вины накрывали меня с головой. Я говорила себе:

– А ты ведь могла сделать вот так... И сказать так, чтобы он послушал. И поставить ультиматум ему.

Это были мазохистские изуверства над собой. У каждого своя судьба. Своя. И никак иначе. К этому шла долго. А в тот момент не слушала никого, кроме добавившейся вины и своей боли.

Образовалось трио. Неразлучное. На долгие годы. Иногда меня даже злили чьи-то советы. И я просто убегала к сыну. К нему в лес. На свою скамеечку. К тишине, которая так громко звучит...

Ищу я нити, что июнь рванул, как струны.
Где звук сфальшивил, не предугадать.
И ночь пришла, грозящая безумием.
И боль, как нож. И мне всегда страдать.

Постоянные обитатели кладбища, местные бомжи, уже

чётко знали – эта несёт много, не скупясь. Не знаю, почему так вдруг сложилось у меня в голове, но я носила и еду, и питьё, и даже одежду. Много. Пакетами. Местный народ был в восторге. А мне ТАК было надо. Одно напрягало: их присутствие. Они никогда не подходили близко, но Шурка их чуяла и всегда была настороже. И это отвлекало от моих мыслей. Как-то подошла к паре и высказала своё возмущение. Бог мой! Зачем? Спившиеся и почти не люди даже не пытались понять меня. Жалости к таким опустившимся у меня нет. Злости тоже. Сама прошла достаточно испытаний, чтобы гордиться собой и не вытирать чужие пьяные слюни. Мы – люди. Все разные. Но у каждого есть выбор. Судьба не единожды даёт нам шанс. Касается всех. Всех людей на этой Земле. А вот видим мы этот шанс, можем ли мы им воспользоваться?

Опять же зависит от человека.
Определил ты сам дорогу,
Что я не вправе выбирать.
И оказался за порогом,
Куда не вхожа даже мать.
И я осталась здесь у края,
Тобой отмеченной черты.
И боль свою я приглушаю.
Но сердце рвёт. Душа кричит.
Мой старший сын, мне очень страшно

Осознавать, что нет тебя.
И жизнь порою так ужасна...
Но ты со мной и навсегда.
Мне память образ твой рисует.
Я запах чувствую волос.
И по тебе я так тоскую...
О, кто бы весточку принёс.

*

Мой сын, мне грустно без тебя.
И боль сжимает мою грудь.
У каждого своя стезя.
Зачем ты выбрал этот путь?
Сегодня ровно год уже,
Как ты домой пришёл из «ада».
Июнь забрал. В моей душе
Так пусто. В чём я виновата?
Вопрос останется немым.
В глазах тоска. Улыбка Моны.
Ты – Воин был и пилигрим.
Будь прокляты твои погоны.

В конце декабря проявилась моя одноклассница Нина, которая жила в Германии уже давно. Мы хорошо переписывались и перезванивались, виделись иногда, по её приезду в Россию. Она была в курсе моей жизни, я в курсе ее. Так случилось, что где-то года полтора назад всё прекратилось:

и звонки, и письма. Она не знала, что у меня погиб Димка. Я не знала, что она накладывала на себя руки несколько раз. Мы обе проревели два часа в телефон – Нина мне сама позвонила. У меня – сын. У Нины своя трагедия – измена обожаемого мужчины. Такие разные, но такие горькие потери. Для обеих на грани. Только грани разные.

Не люблю учить людей или давать им советы. Каждый человек – целая Планета со своими правилами и устоями, даже уставами. То, что для кого-то просто пустяк, для другого – ужас, катастрофа, конец. Эмоции могут захлёстывать одного, в то время, как в такой же ситуации, другой может закаменеть. Как тут знать, что может произойти в следующую минуту твоей жизни? Как подготовиться к ней полностью? Как выйти из всего, что обрушилось на тебя, сохранив себя хоть как-то и в чём-то, если не получается быть прежним. Вопросы. Только вопросы. Ответы у каждого свои: в силу характера, ценностей, приоритетов. Не знаю, почему сильный человек вдруг ломается одномоментно, как спичка, а слабый начинает цепляться за мелочь и вытаскивает себя из бездны. Всегда считала себя сильной, а потому и боролась с собой. Было за кого, для кого и зачем.

Хочется, чтоб всё легко и просто.

Только в моей жизни не бывает.

У меня всё так колюче – жёстко.

Жизнь меня всё время наставляет.

Снятся сны о дорогой потере,
Никогда мне не смирится с ней.
И не важно: верю иль не верю,
Старший не откроет дома дверь.
Не зайдёт, не скажет: «Здравствуй, мама!
Хоть большой, но по тебе скучал»...
И болит, не заживает рана.
Голос, что родной, вдруг замолчал.

Нина и Георг пригласили к себе в Германию. У меня появилась первая моя собственная мечта после «ухода» сына. Другая страна, новые впечатления. Я уже не могла жить в замкнутом круге, который сама себе и очертила, где была только я и моя боль. Надо вырваться в иной мир! Увидеть, ощутить, вдохновиться. И после продолжать учиться жить...

Сколько дней на Земле мне осталось?
Это знает серебряный дождь.
Может много, а может малость.
Как пришёл, так туда и уйдёшь.
А как жизни узор тобой вышит,
Всё зависит от солнца и лун.
С кем кому-то судьба не вышла?
Ничего, время – лучший колдун.
Всё расставив по полочкам значимым,
Обозначив, где блажь, а где ложь,

Подсчитает: на что потрачено.
Приговор. Ты зачем живёшь?
Кто-то будет слюняво плакаться,
Кто-то глаз не посмеет поднять.
Кто-то будет гордиться. Хвастаться.
Для кого-то весь смысл – ждать.
Принимая, как данность Судьбинушку,
Не ропщу, не умея льстить.
Бог забрал у меня кровинушку.
Есть второй. Значит, надо жить.

Младшего стала оберегать от боли, что грызла меня денно и ночью, утром и вечером. Меня сможет понять только такая же мама, как я. Никто больше. Для того чтобы понять, надо пережить эту же боль. Не иную. Потому что каждая боль – другая. И степень боли разная. Самая высокая и самая жгучая боль – боль мамы, которая потеряла своего ребёнка. Вне сомнений.

Это о любящих мамах. У меня не было тесной связи с моей мамой. И боль от её «ухода» перекрыла боль от потери сына. Очень мощно и безоговорочно. Боль так оглушила меня, что никакой другой я уже не понимала. Совсем. Мама, прости.

Конечно же, я ездила к своей маме на могилу. Это было в сентябре и после моей больницы. Немного пришла в себя и смогла поехать одна в родной город на поезде за сотни ки-

лометров. Остановилась у отца моей одноклассницы. К брату дорога заказана. Нашу квартиру разменяли, а библиотеку продали. Моя мама сделала успешную карьеру в мостостроении. Высокий руководитель, единственная женщина в Союзе – главный инженер. Я гордилась ею. Вот любви её мне всегда не хватало.

Поражаюсь человеческой алчности, порождающей бесчеловечность. Я не про наследство даже. Кладбище, где лежит моя мама старинное и большое. Служащие там женщины долго искали запись и, когда нашли, удивились, что мама захоронена в таком месте, где уже 40 лет никого не хоронят, если там нет родственников. Родственников, именно там, у нас не было. Я хотела вызвать такси, чтобы поехать по кладбищу и найти её последнее пристанище. Брат изрядно постарался, чтобы даже могилу мамы не нашла. Женщины оказались сердобольными и сочувствующими. Они вызвали местный автобус, и мы поехали. Три часа безуспешных поисков. Уже хотела поблагодарить и отпустить водителя, нельзя же так бессовестно долго использовать служебный транспорт в моих личных проблемах.

Только человек оказался понимающим: маму ищу. Он остановил автобус в сотый раз. Мемориал погибшим пожарникам: одинаковые серые памятники и впечатляющих размеров колокол. Вышла и оказалась прямо перед скромным холмиком, под которым и покоилась моя мамы. Очередное потрясение. Не от того, что, наконец-то, нашла. Нет! От то-

го, что увидела. Убогий крест из плохо обструганных досок. На нём табличка и сделанная от руки кривая надпись. Сын, получивший колоссальное наследство, пожалел денег на достойное оформление захоронения нашей матери. Я позвонила этому «сыну» прямо от мамы.

На мои возмущения он ответил просто:

– Ты уже забрала всё, что хотела. Вот и займись своей матерью. А на твоего сына мне плевать. Удары под дых. В таком коротком разговоре. Где-то читала, что злой человек тебе простит зло, а вот добра никогда не простит, которое он от тебя получил. Вероятность этого подтвердилась ещё раз.

После развода с мужем, я усиленно занялась бизнесом. 90-е годы. Моих денег вскоре стало хватать на моих детей, на мою маму и на семью брата. Избалованный мамой Андрюшка – Андрейка – брат не умел и не мог содержать свою семью, где росли уже две дочки. Родные же. Как тут не помочь? А зависть проявлялась у него уже тогда. Видела. Но он был младший, а потому делала вид, что не замечаю ничего. Нас обоих родила одна мать. Родной брат? И врагу не пожелаешь такое услышать. Выплакав свою безысходность, оставив для мамы цветы и открытку, вернулась домой.

Немецкий столовый сервиз на двенадцать персон и тома Большой Советской Энциклопедии – о маме память. Это всё, что я хотела и что забрала. Мамины подарки при её жизни.

Судьба не давала мне продыху... Слова Ницше. Вот и делайся сильнее. Не сломало же. В очередной раз. Сколько их

ещё будет. Кабы знать.

Фатальность бытия всего.
Непредсказуемость извечна.
Не изменить мне ничего.
Мы все уходим как-то в Вечность.
Не принимая выбор твой,
Корю себя, твою беспечность.
Глаза зелёные со мной.
Несут любовь, надежду, нежность.
Мой старший сын, мой пилигрим,
Опять все даты вспоминая
Мне снишься ты совсем один.
Я за тобой хожу по краю.
Не надо мудрости большой,
Чтобы понять, что жизнь не вечна.
Ты – Ангел там, я здесь изгой.
Судьба совсем бесчеловечна.
Нас разделила, раздвоив.
И я живу с открытой раной.
Что по – живому – не зашить.
Как больно быть без сына мамой.

Как мне не хватало моего старшего сына. Его слов. Его рук. Его голоса. Его умных и смешливых глаз. Как же одиноко молчалось, рыдалось, горевалось. Безысходность и без-

надёга – мои «подруги» с приставкой «без», которая означало одно: я – мама без старшего сына. Без его любви, без его будущего, без его детей – моих внуков, без моей счастливой жизни на все годы, которые определит мне Бог.

Скоро Новый год -2007. Наш любимый семейный праздник. И год с моей любимой цифрой – 7. Как же так? Семейный праздник и без Димки... Я не хотела ни ёлки, ни праздника, ни подарков. Ничего! Закрыться в ракушку и заснуть. А если насовсем? Нет. Не могла бросить тех, кто есть у меня на Земле. Мой младший сын, мои зверики, мои друзья... И память о старшем сыне. Все, кто «ушёл», живы нашей памятью.

Мне солнца свет не греет душу.
Я не своя. И я – ничья.
Хочу услышать, но не слышу
Остры осколки бытия.
Вот год кончается печальный
И я не знаю, как мне быть.
С такой большой и рваной раной.
Не залечить и не зашить.
И слёзы катятся привычно,
Тихонько дни мои крадут.
И мир не светел, как обычно,
А иногда он как-нибудь.
Не раствориться в море счастья.

Я и любви уже не жду.
Всё рухнуло так в одночасье.
И не пойму я, как живу.
Проходит время, но не лечит.
Чем больше срок, тем мне больней.
А дети так порой беспечны,
Что оставляют матерей.

Весь день 31 декабря 2006 года провела со старшим сыном. Принесла еловые ветки, поставила в вазу... Шары, гирлянды, «дождик», всё, как обычно. Так мы украшали свой дом. Всегда остаюсь с сыном, пока горит свеча. Так придумала для себя: свеча горит – сын со мной разговаривает. Сколько свеч сгорело в тот день, не знаю. Разговор был длинный. Не помню: был мороз или нет? Потом, как очнулась, ведь собака замёрзает. Шурка не просилась домой никогда. Лежала и ждала. Я про зиму и холода. Безоговорочная преданность.

В доме, как всегда, празднично и уютно, только наполовину пусто. За нашим большим столом дети: Дениска и Меланья. Они подарили мне новый телефон. Приятная неожиданность. Но потрясающей неожиданностью стало другое: будущий муж и его будущая жена ждут ребёнка. Моя радость и печаль смешались в коктейль. И... Надо решать вопрос о свадьбе: когда, где и сколько. Бабушка Меланьи в неведении, что взрошенная и обожаемая ею внучка, почти три года живёт с мальчиком и без росписи. Оказывается, мама Меланьи,

соблюдая все ханжеские устои, до последнего скрывала этот факт, а потому со свадьбой надо поторопиться. Кому в этот момент было до меня? До моего мнения? НИ-КО-МУ. Я про клан Семенюков и Дениса. А ведь он – МОЙ сын. Мой.

О беременности бабушка узнала только после свадьбы. Непросвещённая Евдокия Трофимовна работала на крупном заводе бухгалтером, а значит, с математическим действием – сложение проблем у неё не могло быть даже после выхода на пенсию. Странное сокрытие правды непонятно, но там чужая семья. Ханжество неприемлемо для меня. Для них – норма и стиль жизни.

Конечно, я надеялась, что нас объединит рождение ребёнка... Первый внук у меня и первый внук у них. Или внучка. Девочка мне желаннее. Сейчас.

Рождество, как и все остальные праздники в России, проводила с Димкой и Шуркой. Наши семейные традиции делились теперь на утро и вечер.

На тот рождественский вечер 2007 года были назначены мои смотрины. Евдокия Трофимовна, как глава клана семьи невесты, пригласила нас с Денисом на праздничный ужин. Стараюсь всегда хорошо выглядеть, какая бы ситуация не сложилась. Многолетняя привычка работы с заказчиками.

Меня восприняли с нескрываемым любопытством. Откровенно разглядывали и без стеснения мне в лоб:

– Вот оказывается какая мама у Дениса... Не ожидала.

Какую маму Дениса она ожидала, не знаю. Евдокия Тро-

фимовна была крайне удивлена и тем, что моя профессия и моя работа дизайнера приносят какой-либо доход.

– У тебя есть заказчики? – прозвучало довольно дико. Для моих ушей.

В этом городе к тому времени я сделала немало проектов для строительства известных ресторанов, брендовых магазинов и множества загородных домов, не считая мелочи, как интерьеры квартир и прочее. У меня постоянные заказчики, и моё имя знали. «Сарафанное радио» работало. Ни убеждать, ни доказывать ничего не стала. Не видела смысла. Все люди с высшим образованием, элементарное чувство такта должно быть. Так считаю. Только высшее образование – не всегда гарант элементарного воспитания, как оказалось в последствие.

Мне понравилась сестрёнка Меланьи – Маргарита. Красивая девочка с печальными глазами. На тот момент ей было всего двенадцать лет.

Вот Новый год. А мне так грустно –
Судьбы моей переворот.
На сердце запредельно пусто.
Тоска моя. Печальный год.
Я не забуду три «шестёрки»,
Что год ушедший «подарил».
И жизнь, разбитая в осколки.
Собрать бы всё. Где столько сил?

И суть моя на издыханье,
Где боль и горечь пополам.
Дала я сыну обещанье.
И не нарушу, не предам.
Мой солнца лучик, мой Митяша.
Весёлый, славный мальчуган.
Ушёл. Полна слезами чаша.
Ушёл совсем и навсегда.

Слова, как приговор с набатом.
Я их пишу, как сток с души.
Одна во всём я виновата.
Погас мой свет в сырой глуши.

На этом смотрины не закончились. К родителям Меланьи приехала родня из Ставрополя. После второго визита в ту семью, мне нужно принимать гостей у себя. Денис страшно волновался. Немедленно начал покупать новые вещи в ванную комнату и в гостиную. Я делала ему комплименты по поводу оригинального и правильного выбора фактуры и цвета. Он гордо отвечал:

– Так чей я сын? Я в тебя весь.

Мне очень приятно это слышать. Младший тоже, вне сомнений, мой сын. Половинка моего сердца пела и была счастлива.

Мои фирменные пироги, пиццу и торты обожают все. В

наши лучшие времена за нашим большим столом и в нашей немаленькой квартире собирались толпы друзей. Своёобразные салоны по интересам. Музыканты, художники, артисты... Мне нравилось это столпотворение. Светика всегда на подхвате – моя помощница во всех моих сумасшествиях. И здесь мы расстарались с ней на славу. Нельзя подвести Дениса, он так хотел, чтобы нашим будущим родственникам всё у нас понравилось. Первый визит не должен их разочаровать.

Беспардонность меня всегда изумляет. Евдокия Трофимовна не стеснялась в выражениях:

– Странная квартира у вас. Прямо музей. Как вы тут живёте? Я бы никогда не смогла так. А зачем так много картин на стенах?

Молча, слушала. Не знаю, что в таких случаях можно сказать.

Квартира у нас пятикомнатная, «сталинка», где потолки выше трёх метров и окна не стандартные, а огромные и с эркером. Мы со старшим сыном долго выбирали квартиру под себя, когда уже могли себе позволить купить что-то лучшее, чем двухкомнатная «хрущёвка». Моя любовь к антиквариату передалась и моим сыновьям. Старинная «горка» для посуды, буфет на кухне, много сундуков, старинные XVIII века стулья, раритетные книжные шкафы с уже моей библиотекой, старые зеркала в массивных рамах и множество картин на стенах. Кроме мебели, мне нравится стекло. Бутылочное

стекло: форма, цвет и прочее. Бутылок у нас много. На кухне целых две полки под потолком. Могу разглядывать часами и любоваться. У кого какие ассоциации вызывает эта красота.

– Ирина, вы всё это выпили? – очередной возглас Евдокии Трофимовны вынудил-таки меня всё же пояснить, что это собрано годами и не так много из всего этого количества бутылок нами выпито. Не убедила. Как говорят: у кого что болит. В её семье не всё благополучно с употреблением спиртного.

Дети подали заявление в загс. День свадьбы – 16 февраля. Начали готовиться к торжеству. Печаль захлёстывала меня, когда вспоминала, что свадьбы должно быть две. Меня раздвоили. Одна часть горевала, а другая пыталась радоваться. Слишком мало времени прошло для моего веселья от предстоящей свадьбы. Всего 5 месяцев.

Всё на нерве. На срыве. Навзрыд.
Не живу. Существую в бреду.
Сердце – сгусток крови, грубых мышц.
Ощущаю. Стучит. Я живу.
Раздвоилось, разбилось внутри.
И вопрос: я зачем на Земле?
И душа не горит, а чадит.
Горе жжёт. Мир без цвета и нем.

Я и ждала, и боялась ночи каждый день. Боль отпускала

меня во сне. Иногда. Короткий отдых
от реальности. Но каждое утро приносило горечь. И я бо-
ролась с собой и с новым днём, учась жить.

Состояние предчувствия
Так опутает, не стряхнёшь.
Не прося ничьего сочувствия.
Опрокинуться в сонную ложь.
И верёвкой сны затянутся.
И раскатится бытие.
И опять что-то там расправится.
Может крылья... Иль что ещё.

Маргаритка стала частым гостем в нашем доме. Михаил Васильевич был рад, что его дочери учатся печь пироги и шить. С младшей сестрёнкой Меланьи мне комфортно. Девочка любопытна и старательна. Всегда находились общие темы для наших разговоров. С Меланьей тема всегда одна: её обида на родителей и на Маргариту. Меленью растила Евдокия Трофимовна, потому что мама внучки училась в медицинском институте, а папа – в военном училище. Внимания родителей девочке не хватало, да и баловали они её редко. На стипендию не разгонишься. Какие подарки? Только мелочь, если что. А вот бабушка баловала, ещё и как. Зависть Меланьи к младшей сестрёнке настораживала. Мы общались с невестой моего младшего сына наедине совсем ма-

ло. Она избегала разговоров со мной. Всё, что я знала о ней, это только со слов Дениса. А у того любовь затмила всё. Его разум его покинул. И, как потом оказалось, на долгие годы.

Беременность Меланьи стала предметом некоего шантажа: мне врач запрещает это, мне врач запрещает то. Десяток яиц донести от машины до квартиры категорически нельзя:
– Мне тяжёлое врач запретил поднимать.

Воспринимала это, как своего рода, выказыванием её превосходства, в «пику» мне. Часто ничего не представляющий из себя человек своим пренебрежением к другому пытается показать и утвердить свою значимость. Только я твёрдо уверена, что чем умнее человек, тем он доступнее и проще в общении. Беременность – гормональный сдвиг в организме. Сама прошла через это. Прощала и молчала. Её слова:

– А для кого я рожаю? – родили диалог.

– Девочка, рожают для себя. Я своих уже родила и даже вырастила, – мои ответные слова удивили её. Вскинутые вверх брови и непонимающий взгляд. Её не поняли.

Я очень хотела к двум сыночкам ещё и доченьку. Бог не дал. Дочка – это нежность, доброта и немного милых капризов. Меланья была чужой дочкой... Её доброта и нежность не для меня. Для меня её «капризы». Отнюдь не милые. Иногда просто отвратительные.

Случай в кафе «покоробил» меня. Родители Меланьи пригласили нас с Денисом в кафе для обсуждения свадьбы. Нужно решить: кто и за что будет отвечать. Свадьба намеча-

лась масштабная. В лучшем Дворце бракосочетания – роспись детей. Столы накрывались тоже в лучшем городском Дворце в торжественном зале, где были колонны из малахита и тяжёлые хрустальные люстры. Мы сидели за столиком в кафе вшестером: Меланья, Денис, родители Меланьи, Маргарита и я. Ели вкусную еду, пили хорошее вино, обсуждали уже детально: кто, что, как и сколько. Ненавязчиво звучал саксофон. Шёл третий час нашего обсуждения. Вероятно, Меланья устала, потому что молчала. Неожиданно посреди нашего разговора, Меланья потянулась к своей маме, та сидела напротив своей дочки, и, заглядывая ей в глаза, выдала свой перл:

– Мамочка, скажи: голубые и серые глаза – это красиво, а остальные это так... «фу». Ты ведь тоже так считаешь?

У Меланьи серые глаза. У Светланы Викторовны – мамы Меланьи – голубые. Папа Меланьи, Маргарита, жених Денис и я – обладатели карих глаз. Как такое могло прийти в голову этой девочки, а потом и высказать вслух? Явное неуважение. Ждала реакции. В первую очередь, от её мамы. Свою реакцию не стала скрывать: мой взгляд выражал недоумение. Неловкость Светлана Викторовна попыталась свести к нулю, переведя разговор в иное русло. Она начала разговор о своей свекрови, которая в любом споре и в конфликтной ситуации вставала на сторону своей невестки. Это мне повторилось несколько раз: так сказать в назидание. Я, наверное, плохая свекровь: не хочу и не буду прогибаться под невестку, хотя

прекрасно помню поговорку, что ночная кукушка дневную всегда перекукует. Самоуважение – важная часть меня. Моя мама всегда повторяла:

– Ира, будь скромнее.

Не могу быть скромнее. Всегда есть чем гордиться.

Не кичусь тем, кто я на данный момент. Просто горжусь: собой, своими детьми, своими друзьями, своими достижениями. Очередной этап моего роста. Но это труд, который надо хотя бы уважать. Роль невестки мне знакома: четырнадцать лет была замужем за отцом моих сыновей. И свекровь тоже была. Отношения с Надеждой Александровной не заладились. Сразу оттолкнула от неё её навязчивая идея: после свадьбы я должна называть родителей мужа «мама-папа». Не считаю такое приемлемым для себя.

У меня одни родители, которые меня родили. Других нет, и не будет. В восемнадцать лет сложно объяснить и не обидеть, но в сорок можно понять и не настаивать. Не получилось.

Надежда Александровна обожала своего «сыночку Олежа». Ему можно поспать, а нам с ней встать в шесть утра и топтать на рынок за продуктами. Муж был из Украины, где муж – это чоловік, а жена – только жінка. Свекровь старше по возрасту. Она – мать моего мужа, а значит, уже достойна уважения. Всегда с ней только на «Вы», но по имени-отчеству.

Моя мама из кубанских казачек, где уважение к старшим

непререкаемо. Я и сама всю жизнь обращалась к своей маме только на «Вы». Не в моих правилах идти поперёк этих вековых устоев. «Папа-мама» чужих мужчину и женщину – нет. С уважением и по имени-отчеству, да. Это уже моя корректировка. Время не стоит на месте. Непременно что-то меняется.

Считаю, что никто не обязан любить меня или требовать от меня любви только потому, что появляются новые родовые завязки. Элементарные понятия воспитания: что можно, а что нельзя, основанные на человеческом уважении друг к другу. Не думаю, что сделала открытие. Открытие в другом: уважение – это не аксиома для наших будущих родственников. Никто из них даже не сделал попытки извиниться. Бонусы уходили в минус.

Это не единственный случай, когда Меланья пыталась унижить меня хоть как-то и хоть в чём-то. Следующий раз оказался не за горами. Меланья попросила показать мой свадебный альбом. Фотосессия для того времени, когда я выходила замуж в первый раз, была новинкой. Но я настояла на таком мероприятии. Фотографий невероятное количество, и все выполнены на высоком уровне. Мне восемнадцать, мужу двадцать. Выгляжу всегда моложе своих лет. Лето. Цветы. Солнце. Красота. Счастье.

Посмотрев альбом без всякого энтузиазма, Меланья изрекла:

– Ой, Вы так старо выглядите на этих фото...

Хоть стой, хоть падай. Её бесцеремонность зашкаливала. Пришлось пересмотреть альбом самой, а вдруг, и правда, постарела, пока альбом лежал в сундуке? Не постарела. Значит, неумная и открытая зависть.

Меланья не отличалась красотой. Самая обычная девушка, глаз не цепляла совсем. У Дениса девчонки были гораздо интереснее. Но... сердцу не прикажешь. Ладно: с лица воды не пить, как говорят. Однако и душевные качества у будущей жены не на высоте. Оставалось надеяться, что поумнеет с возрастом. Ей лет только двадцать или уже двадцать? Как посмотреть.

Мы готовились к свадьбе. Нужно выбирать платье для невесты, костюм для жениха. Назначили день и поехали в самый престижный свадебный салон одеваться. Капризность Меланьи нам обошлась в шесть утомительных примерочных часов. Её папа поставил точку в выборе платья, сказав, что он устал и сейчас рухнет, а потому и платье будет куплено то, что на ней понравилось всем: кринолин из французских кружев.

Я смотрела на примерку Меланьи и представляла Юлю – невесту Димы. И своего старшего сына. Болело, болело, болело. Очень сильно болело ещё моё горе горькое.

К чудесному платью нужна белая шубка. Нарисовала эскиз: обсудили, понравилась всем. Сняла с невесты мерки, села шить. Днём объекты, вечером шубка. Только ночью возвращалась к старшему сыну и к своей, уже такой привычной,

боли.

Дениска решил позвать на свою свадьбу Павла. Удивилась. Мой сын хотел нас помирить? Не знаю. Я согласилась. Пусть будет так, как хочет мой младший. Спорить ни с кем в тот момент не могла. Пыталась настроиться на предстоящую свадьбу.

Чем ближе день свадьбы, тем безысходнее становилось внутри меня. Объяснений не было. Я договаривалась со всеми, кто мне нужен был для свадьбы: с моей приятельницей Аллой – владелицей самых престижных салонов красоты в городе о создании образа невесты, с другом скрипачом о его репертуаре на торжестве, с артистами цирка об их номерах и гонораре, рисовала эскизы для трёхэтажного торта. Конечно, параллельно продумывала и изготавливала украшение зала и главного стола, а также машин. Главной машиной в колонне для поездки в загс и для прогулки по городу стал раритетный «Лимузин», который неожиданно объявился у меня на дороге. Мой дар убеждения мне даже не понадобился в тот раз. Все мелочи продуманы и отработаны. Вся моя занятость тренировала мою боль: старалась не плакать на людях и улыбаться хоть как-то. Перед будущими родственниками держала себя в «рамках» своей воспитанности.

Неуёмная поперечина.

Не сложилась судьба. Не далась.

В чашке, если невидная трещина,

Сжали крепче, разбилась вся.
Дни и годы тихонько, крадучись,
Пронеслись все галопом вскачь.
Мало счастья и много горечи.
И сквозь хохот мой дикий плач.
На Земле для чего? На закланье,
Как овечку меня ведут.
И от Бога мне шлют проклятия.
Заколдованный кем-то круг.
Разорвать ту черту пыталась я,
Расшибаясь о всё подряд.
Терпеливо ждала, старалась я,
Разгребая руками смрад.
Где итог колесу, что вращается
Всё вперёд, но, по сути, стоит.
Что обещано, исполняется.
В общем, всё это как-то жизнь.

За день до свадьбы я с моими помощниками украшала зал больше шести часов. Нашим результатом осталась довольна: торжественно и уютно. Работники Дворца, как мне потом рассказали, бегали в колонный зал смотреть на такое чудо и всё гадали: для кого так необычно его украсили? И придумали: опять приезжают иностранцы или «власть». Наш российский менталитет, который меня очень раздражает: в России встречают на высшем уровне только иностранцев или

свою «власть». На генном уровне подавленное чувство собственного достоинства человека. Никогда не было понятно и никогда мной не было принято, потому и пытались наклонить. А как склоняли... Окрестили меня, как «скрытная и странная». Дочь Огня и Весны. Со временем в своё упрямство я добавила ума и получилась настойчивость, увеличился процент выживаемости в любых ситуациях. Горжусь собой и учусь дальше.

День свадьбы выдался самым холодным из всей зимы этого года. Руки моментально «прихватывало» на морозе. Больше 30 градусов – это противно – холодно. Дениска много и нервно курил. Видела его невероятное волнение.

Меланья спокойно отправилась в салон наводить красоту.

– Солнышко, не волнуйся так. Бери пример с меня. Я же спокойна, – её слова, сказанные для проформы, не более. В этом ласковом слове «солнышко» – для моего младшего сына не было ни любви, ни нежности. Я не слышала. Ни раньше, ни сейчас, ни потом. Для Меланьи вопрос уже решён: она почти вышла замуж. Результат достигнут. Зачем эмоции? Любви нет. Если есть любовь, то её не скроешь: взгляды, прикосновения, слова, одним словом – чувства. Когда ты счастлив, ты хочешь и можешь поделиться своим счастьем со всеми остальными вокруг. Из пары, которые через час-два станут мужем и женой, счастьем и волнением наполнен только мой младший.

В загсе всё прошло великолепно, если не считать, что мо-

лодые, оба, уронили обручальные кольца, надевая их друг другу. Плохая примета, говорят. Никто из них не придал этому значения. Молодость. Может, это и хорошо: позитив и уверенность в себе, и в своей жизни. Мелочи жизни не напрыгают ум и не тревожат душу. Одно знаю только, в жизни мелочь часто бывает решающей. Это я, как дизайнер, могу утверждать с уверенностью. Всё элементарно: у разных людей разные понятия важности и мелочи.

Жених и невеста – это красота и счастье через край. Живой фонтан любви. Родители, как обычно, тоже умыты счастьем детей. Если оно есть, счастье.

Мои солнечные дети,
Нет чудесней вас на свете.
Я желаю, мои дети,
Счастья много, не в конверте.
Пусть всегда сияют лица,
Пусть лишь радость, что случится.
И погода не помеха,
Когда в доме много смеха,
Много мира и тепла,
Хорошо идут дела.
Пусть кораблик ваш плывёт
И все рифы обойдёт.
Я люблю вас, право слово.
И всегда помочь готова.

Смех и слёзы – дети вылетают из гнезда и начинают лепить своё, отдельное гнездо. На свадьбу младшего сына придумала и сшила себе королевское платье, чтобы по-королевски отправить детей в плавание по их совместной жизни и чтобы, конечно, сын гордился такой мамой – Королевой. Немного самоиронии, чтобы выдержать долгие часы торжества и веселья, когда боль опять петлёй захлёстывает горло. Для младшего, тоже важно, как я выгляжу на его свадьбе, где со стороны невесты собралось многочисленное количество родственников. Со стороны жениха – друзья и партнёры Дениса с жёнами, невестами и девушками, с которыми всегда находила общий язык. Из родственников на свадьбе младшего сына была только я. Мы с Дениской остались вдвоём.

В самый разгар веселья сестрёнка Меланья вдруг разрыдалась. Все бросились успокаивать Маргаритку. Какие горячие и безысходные слёзы катились по её лицу. Потом поняла, что младшая влюблена в моего Дениску. Классический случай. После свадьбы Маргаритка перестала бывать у нас в доме. Искренность младшей и холод старшей.

Меланья, поставив подпись в документе о браке, немедленно обрела такую уверенность, что я диву давалась. Она пыталась даже командовать. Вероятно, её расчёт удался. Денис – уже её муж, а она уже его жена, большая квартира и всего какая-то маманя мужа. Дочки для меня из этой самодовольной и эгоистичной девочки не получалось. А вот сво-

им «животиком» она умело манипулировала и даже шантажировать пыталась.

– А для кого я рожаю? – эта фраза стала любимой в лексиконе будущей мамы. На моего сына она действовала безотказно, а я перестала реагировать. Родит, поймёт.

Мою любовь к моему младшему сыну Меланья понимала по-своему: она – жена моего сына и, значит, я тоже должна, как и мой сын, «скакать» от того, что Меланья осчастливила нас всех своим появлением в нашей семье. Утверждать своё «я» в нашей семье девочка пыталась очень некрасиво.

Молодые взяли ипотеку, купили большую двухкомнатную квартиру в новостройке. Этим домом Денис как раз и занимался. Строил, строил и построил. Дениска сам придумал для своей квартиры интерьер. Я не вмешивалась.

Иногда он всё же обращался ко мне за советами по мебели и тканям. Как не помочь? Я не только мама, я – профи. Это другое. Дизайнером надо родиться, только тогда дизайнер – это креативность мышления и видение мира в другой плоскости. Я рисовала с двух лет. И, практически, постоянно. Но я – не художник, я, именно, дизайнер.

Дениска пригласил меня съездить с ними по магазинам за мебелью для гостиной. С нами поехал друг сына Максим. Путь длинный, мы отправились в соседний город. Меланья всегда уходила от моих с ней разговоров, прикрываясь то Дениской, то своей занятостью, то своим состоянием. Не помню, с чего завязался разговор в машине, но на мою фразу, что

Меланья вошла в нашу необычную семью и ей надо привыкать к нашему нестандартному образу жизни и мышления, ответ прилетел моментально:

– Или вам ко мне...

Очередной шок от её слов. Мой сын Денис промолчал, а Максим возмутился:

– Меланья, ты что такое говоришь. Мама Дениса такая! Её все знают. А ты пока никто. Извинись.

А в ответ тишина. Не первый звончок. Очередной. Делаю выводы и про Меланью, и про сына. Неутешительно совсем. Что дальше?

Дальше больше, как говорится. Март месяц стал каким-то неудобным для меня. Мы подолгу гуляли с Шуркой в сквере у дома или уходили в лес, благо погода не давила морозами, как обычно. Причина в том, что мне плохо в моём собственном доме.

Меланья подхватила где-то грипп. Болезнь нельзя лечить антибиотиками, а потому у её постели дежурили почти все её родственники. Развлекали и потакали. Капризы увеличились в разы. Неудивительно для меня, но поразительно для моих друзей, что моё состояние никого из новых родственников не волновало. Оно не волновало даже моего сына. Ничего не говорила ему. Просто наблюдала, как он отдаляется от меня с почти космической скоростью. Эгоизм. Чей: мой, его? Мы с ним, практически, перестали разговаривать. Какие-то элементарные пять минут, чтобы обняться и постоять, мол-

ча, как бывало раньше. Не было старшего рядом, и младший растворялся в пространстве бытия. Это не ревность матери. Осознание того, что сын перестал быть опорой в жизни матери, которая не могла пока справиться со своей страшной потерей. Денис категорически вставал на сторону Меланьи, отвергая всё, чтобы я ни говорила.

Беременность – не болезнь. Временное состояние женщины. Однако, свою беременность Меланья возвела в ранг культа, а потому все должны быть у неё на побегушках, как в той сказке Пушкина про рыбака и рыбку. Одна я отстранялась от этой «почётной» обязанности. Не умею ни льстить, ни притворяться. Уважаю себя и считаю, что это важно.

В конце марта у моей мамы день рождения. Решила съездить к ней. Мне нужны хоть какие-то перемены. Перед отъездом привела в порядок нашу огромную квартиру: протёрла, пропылесосила, помыла. Уехала на неделю. Заказы держали во временных рамках.

Поезд прибывает в наш город рано утром. Денис обещал встретить. Не встретил. Проспал. Минусовый сюрприз. Такого раньше никогда не было. Добиралась на такси. Ещё сюрприз: наша квартира была в таком состоянии... Мамай прошёл. Задело. В дороге никогда не ем. Добиралась больше суток, а в холодильнике, как говорят, мышь повесилась. Женщина в доме. И мужчина, конечно, тоже в наличие. Да и машин во дворе две. Как на это реагировать?

Мы с сыном поссорились. Впервые так серьёзно, но из-

за пустяков, как он сказал. Может я придиралась к ним, требуя к себе внимания? Не уверена в этом. Меланья потихоньку прибирала влюблённого мужа к своим рукам, делая из него послушную игрушку, отодвигая меня на далёкий задний план. Денис ни разу не попытался разрешить назревающий конфликт в семье. Все разговоры на эту тему сводил к тому, что я из мухи делаю слона. Опять эти мелочи. Мелочи, которые рушат целые судьбы безвозвратно. Нет в жизни мелочей и пустяков. Всё важно.

Людская зависть не порочна –
Менталитет усопших грёз.
Я, к сожаленью, знаю точно:
Не избежать того без слёз.
Молва людская не тревожит.
Уже привыкла, не увы...
Моей души земной острожек,
Дрянней всего, что это – ты!

Мой месяц – это апрель. Я родилась в начале апреля. Этот месяц – начало возрождения жизни, время нежных подснежников, лазурного неба и уже согревающего солнышка. Первый мой день рождения без моего старшего сына. Служба Дмитрия и раньше не позволяла нам встречать его вместе. Только я знала, что рано утром будет звонок:
– Мамуль, с днём рождения! Я люблю тебя. Я первый?

Сын знал, что рано встаю и поздно ложусь. Звонок от сына был всегда. И так рано только на мой день рождения. Для сына мой день был особенным, как он сам и говорил. Разве могу таким сыном не гордиться? И собой тоже? Мой сын. Любимый. Старший. И ещё один любимый. Младший. Оба сына – два любимых.

Мы живём на центральной улице, где через дорогу находится круглосуточный магазин цветов, проект которого я ещё и делала. Каждый год на мой день рождения из этого магазина мне приносили шикарный букет розовых роз от старшего сына.

Ещё одна традиция: Дмитрий всегда заказывал для меня мою любимую песню по радио. Сына нет на Земле, а «Золотой город» обязательно звучит каждый год, именно, в мой день рождения. Слов сына нет «для моей роднуньки ...», а песня есть. Мистика? Может для кого-то и так, но не для меня. Для меня мой Димка всегда рядом. Ничего и никому доказывать не хочу. Это только наша с ним связь. Внеземная.

Раннее утро 3-го апреля 2007 года. Мой день рождения. Без Димки. А я жду звонка. От старшего сына. Телефон рядом. Жду. Не схожу с ума: ум понимает, душа не принимает, ждёт. Вся я – это одно напряжённое ожидание. Ожидание чуда.

Для себя решила, что позову много гостей, чтобы как-то уберечь себя от безнадёги в мой первый день рождения без моего Димки –Митяши.. Сама себя убедила, что и с новой

роднёй пообщаюсь лишний раз, и загружена буду хлопотами предстоящего приёма гостей. Ставлю тесто. Пеку пироги. Готовлю салаты. Жду.

Звонок. В домофон. Принесли букет. Ноги подкосились: сын жив! Кто, кроме него, мог заказать такой букет – тридцать девять розовых роз? Однажды в разговоре со старшим сыном я пошутила, что мне больше, чем 39 лет никогда не будет. Это мой возраст на века. Когда в первый раз получила розовый букет из тридцати девяти роз, я была безмерно удивлена его цвету. Розовые? Почему? Не мой любимый цвет. Оказалось, всё просто. Розовый – девичий цвет, в понимании старшего. Я для него всегда буду молодой девчонкой, даже в свои девяносто семь лет. Это был наш с ним секретик.

Полетела в магазин, как была, в домашней одежде и тапках, и с букетом. Продавщицы застыли в недоумении. От моей заполошности и слёз, которые текли не переставая. Я размахивала руками, громко объясняя по поводу букета, который мне доставили из их магазина. Букет лежал на прилавке. Из платёжных документов не было понятно, кто заказал и оплатил мой букет. Надо проводить целое расследование по этому поводу, чтобы докопаться до истины. Никто этим не был намерен заниматься: не преступление же. Прижимая букет к груди, побрела домой. Как пахли розы!

Отойдёт. Обернётся радугой

Эта горечь от злых обид.
А в сочувствии серость жалости:
Потому так истощен крик.
Ни молитвою, ни забвением,
Ни потоками горьких слёз
Не вернуть ни за что мгновение,
Где мой мальчик ещё со мной.

Денис отнёсся к моему букету от Димы спокойно:

– Мам, ты же взрослая женщина. Не надо опять себе придумывать несбыточность. Успокоившись как-то и обдумав всё, решила, что Димка оплатил мой букет на много лет вперёд, будто предчувствовал, что скоро «уйдёт». Мои сыновья – романтики, потому как мама у них тоже романтик. Маленькие и немаленькие сюрпризы всегда присутствовали в жизни нашей семьи. Мои мальчишки радовали меня часто: и вместе, и по отдельности.

В течение дня по радио несколько раз прозвучала моя песня «Золотой город». Теперь я точно знала, что это старший сын мне шлёт поздравления с днём рождения. Он помнит, не забыл, он со мной рядом. Дмитрий, как обычно, в командировке. Так решила для себя. Букет от него получила, песня прозвучала. Старший скоро придет. Слёзы прятала в суматохе приготовления к вечеру. Светика только и поняла меня. Она поддерживала все мои «несбыточности и сумасшествия».

Вечер, как всегда, был великолепным. Мой друг Саша-скрипач заставил гостей и плакать, и радоваться, и даже петь. Меланья с Маргариткой удивили: спели на два голоса красивые песни. Сестрёнки музыкальны. Смех, веселье, шутки, танцы, мои деликатесы, марочные вина. Гости разъехались далеко за полночь. Все остались довольны. Даже Евдокия Трофимовна. Для неё скрипач исполнил романс «Вишнёвая шаль».

Все вазы заняты цветами. Гора подарков на журнальном столе. Догорали свечи. Моя боль, которую я закрыла, как Джина в бутылку, сорвала крышку. Не стала сопротивляться. День был для меня невероятно тяжёлым. Уткнувшись в Димкины розы, выла и рычала, как волчица. Так в слезах и с букетом, уснула рядом с Шуркой на коврике у своей кровати. Сны, после такого надрыва, мне не снились совсем. Никогда.

Несколько дней нужны для восстановления себя. Требуются порой невероятные усилия, чтобы собрать себя в единое целое и продолжать как-то существовать. Про «жить» в такие дни не может быть и речи. Я лепила себя, училась видеть и слышать мир и людей вокруг. Шёл только первый год без старшего сынули.

Песчинка в мире бытия,
Где жизнь и смерть необратимы.
Накатит грубая волна,
Разбита фреска. Горстка пыли.

К чему стремиться и мечтать?
Итог всему уже известен.
Но крылья есть. И мне летать.
Мир недопознан. Интересен.

Мой апрель подарил ещё сюрприз. Не помню, как попал в руки диск с фильмом «Живой». С первых кадров на меня смотрел мой старший сын. Андрей Чадов, который играл роль главного героя, невероятно похож на моего сына. Сцена, где его спасают друзья, и лицо Кира показано крупным планом, поразила меня. До мелочи черты лица моего Дмитрия: овал лица, губы, нос, подбородок. Не отрываясь, не дыша, обливаясь слезами и разрываясь болью, досмотрела весь фильм до конца. Такого просто не может быть! Актёр будто скопировал моего старшего сына: взгляд, манера курить, ходить, говорить. Это был мой Дмитрий, только более худой. Мы с сыном свиделись наяву. С тех пор этот фильм, как свидание с моим старшим сыном. Сколько бы раз его не смотрела, не могу оторваться. А сколько раз я его смотрела, уже и счёта нет. Потом оказалось, что этот фильм видели все. Но оберегали меня от его просмотра: никто не знал, какая будет реакция у меня.

Май месяц принёс много заказов. Надо работать. Дарить людям красоту. Самой выходить из темноты, которая начала сереть всё же, благодаря моей Светике и моим зверикам. Все требовали внимания и заботы. Люблю свою работу, которая,

в первую очередь, радуется меня и, как следствие моих стараний со страстью, доставляет радость моим заказчикам. Начало проекта – всегда ожидание и волнение. Это, как дрожь талантливого артиста, перед выходом на сцену. У меня только так. Наконец-то, я загнала своего Джина обратно в бутылку. Появился заказ на проект большого кафе при администрации города. Моё ноу-хау – это мозаика из осколков зеркал. Есть в зеркалах мистика, а потому и притягивают они меня и дают волю моей буйной фантазии. В этом кафе мне позволили поиграть с моими стекляшками на славу. Я увлеклась и отвлеклась на время создания проекта. Нужен позитив. Вытащила из себя его за «уши». Получилось. Я радовалась. Изредка.

Столб из пыли – вот мысли и чувства.
Не хочу ни бороться, ни быть.
Растворилась в своём искусстве.
Только сына не отмолить.
Скоро год. Это необратимо.
День за днём я слезами давлюсь.
Как ты там, мой любимый Мика?
Позови. И я в небо сорвусь.

Моя занятость не освобождала меня от обязанности мамы и хозяйки дома. Я баловала Дениску, его друзей и партнёров вкусностями. Меланья тоже иногда разделяла с нами ужины.

Её беременность протекала без токсикозов и осложнений, но она постоянно жаловалась на своё состояние. Мира в наши отношения не прибавлялось. Разговоров она категорически избегала, предпочитая разговаривать с подружками. Я уже и не настаивала. Впереди месяц июнь.

Мной проклятый месяц, который забрал у меня моего Мику. Этим именем мой первенец называл себя сам, как только начал говорить. А Дениска у нас был Ниська. Имя для себя придумал младший. Мои мальчики. Мои сыновья. Моя гордость и теперь уже моя боль.

Как-то в один из вечеров Дениска пришёл весёлый и усадил меня смотреть с ним фильм о них с Меланьей. Фильм о дне свадьбы. Оператор старался. Красота начиналась с утра: невеста в салоне, жених примеряет костюм. Затем рассказ о семье невесты, где мама Меланьи читает за кадром стихи о дочери. На фотографиях: мама, папа, сестрёнка, бабушки-дедушки, дяди, сама Меланья от малышки и до невесты. Подробно и трогательно. У жениха семьи не оказалось. Пять фотографий и всё. Ни меня, ни брата, ни кого – либо ещё не было. Денис получился без роду и племени. Практически, детдомовский. Меня шокировало сильно. Вспомнила Меланью. Фильм ещё только монтировали, когда она попросила у меня фотографии Дениса.

– Только на фото он должен быть один. Так оператор сказал, – заявила она мне. Поинтересовалась у неё:

– А почему Дениска должен быть один, если у него есть

семья. Ты ничего не путаешь? Может позвонить ему и спросить?

Оператор – знакомый мамы Меланьи. Звонок оказался бесполезным. Неуважение к нашей семье проявилось крупным планом и зафиксировано навечно этим фильмом. Дальше фильм я отказалась смотреть, пытаясь объяснить младшему сыну, что недопустимо такое отношение ко мне и его брату, да и к нему самому.

Денис разозлился:

– Ты опять придираешься. Опять всё испортила. Это мелочи, на которые не надо обращать внимание.

Достучаться до него не смогла. Главного сын не понял. Меланья пыталась нас развести по разные стороны. Она училась в институте на психолога и знала, как больней ударить меня. Назревающий конфликт нужно было решать самой. Написала Меланье письмо.

« Меланья, я думаю, что пора поговорить без макияжа.

Каждая мать (любящая) защищает своё дитя. Денис – мой сын. Теперь единственный. И я буду его оберегать и защищать, так было и так будет, как на этой земле, так и в другой моей жизни. Я имею на это полное право.

Твою суть я уже поняла. Я – взрослый человек, повидавший в своей жизни слишком много, поэтому я – сильная и умная. Я знаю себе цену, другие тоже знают, поэтому уважа-

ют и любят. Мне не нужна твоя любовь ко мне. Мне надо, чтобы ты любила моего сына, если ты его жена. Этого я не наблюдаю. Он тебя любит. Ты его нет. Ты – упрямая эгоистка, которая привыкла быть центром внимания в своей семье. Ты пользуешься любовью моего сына, позволяя себя любить. Этакая восьмилетняя беременная девочка. Ему нравится тебя опекать.

Ты сейчас пытаешься нас разъединить. Ревнуешь его ко мне. Устраиваешь ему сцены. Глупо. Я – его мама, которую он любит, и будет любить всю жизнь. А ты – только жена. Просто первая, но можешь быть не последней. Всё, что сейчас происходит, для тебя только игра, не больше. Другого объяснения твоему поведению я не вижу.

Пока Денис счастлив, у него всё в розовом цвете. Он не хочет тебя обижать, но ты-то запросто. А зря!

Что ты сделала в своей жизни стоящего? Вышла удачно замуж за хорошего, заботливого, умного, доброго мальчика. Только ты ещё не поняла, что он не из детдома, не из капусты и не аист его принёс. Это я его родила и воспитала, поэтому патологически не могу быть сволочью, какой ты меня считаешь.

Вот твои поступки, из которых я сделала свои неутешительные выводы: ты запросто решила избавиться от вашего первенца; после гибели Димки, ты уехала отдыхать на море, где развлекалась с девочками и не только; твоё постоянно неумное «нет»; ты не заботишься о своём муже. Так поче-

му ты решила, что я должна угождать тебе и быть счастлива от того, что ты – жена моего сына. Меланья, ты пока просто хорошенькая молоденькая девушка, не красавица. Поэтому ты меня пытаешься меня как-то принизить (глаза карие, некрасивые...). И умом ты не блещешь. У каждого ровно столько тщеславия, сколько ему не хватает ума. Твой снобизм и инфантилизм мне не интересны, но ты – жена моего единственного сына. И я хочу, чтобы он был здоров и счастлив.

Если Денис тебе не безразличен и, как ты говоришь, его любишь, то нам надо поговорить и договориться о чём-то стоящем. Составить негласный договор. Другого пути нет».

Конечно, письмо не из приятных, но не могу льстить и «приседать» пред кем-то. Меланья проигнорировала моё послание. Делала вид, что не получала ничего. Не могла же я её принудительно заставить со мной разговаривать. Жизнь продолжалась.

Павел иногда заезжал ко мне домой. Всё, что он пытался наладить в данной ситуации, уже не имело никакого смысла. Для меня. У него, вероятно, была призрачная надежда на возобновление наших отношений. Только я не видела его в своей жизни совсем. Для меня измена – это конец: не смогу ни понять, ни простить. У каждого свои ценности. У меня такие.

Говорят:

– Если сильно любишь, то простишь.

Именно, потому, что сильно люблю, не прощаю. Не могу переступить в этом случае через себя. Вот своих сыновей могла и понять, и простить в любом случае. В то время так думала. Всегда была сумасшедшей мамашей и за детей, без преувеличения, хоть в огонь, хоть в воду. Мои сыновья это и знали, и видели. Мужчины в моём театре жизни всегда оставались на вторых ролях. Я, конечно же, женщина, но сильная женщина: всё могу сама. Серой жалости мне не требуется ни от кого.

Беллетристика и казустика –
Сотворённая чепуха.
И слезами года разрушены.
В мелких камушках колея.
Босиком, кровотока ранами,
Я иду, шлейф обид волоча.
И на пир не бываю званой я.
Всё в миру. А зачем огорчать?
Пожинаю всё то, что сеяно.
Пусть не мной, даже кем-то другим.
Иногда так душа расстреляна...
Рассмеюсь, надевая грим.
Перелесочки и колдобины –
Испытания наяву.
Сердце латано-перештопано.
Всё закончить бы. Но живу.

Молодые ещё жили у меня. В их квартире шёл ремонт полным ходом.

Путешествие в Египет – мой свадебный подарок для них. Все финансовые расходы брала на себя. Никак не могла уговорить ни Дениса, ни Меланью поехать отдохнуть. Все мои доводы, что, когда родится ребёнок, то путешествовать они не смогут долго, не убеждал их. Деньги в руки им не отдавала, потому что знала: потратят всё на какие-нибудь «деревяшки» в квартиру. Очень хотела, чтобы мой младший хоть как-то отдохнул от всего. Нелёгкие жизненные ситуации подкосили, конечно, и его. Дениска так давно не уезжал из города. Новые заботы, его собственная семья не отпускали сына. Беременная капризность Меланьи во главе угла. Будущая мама много спала и наслаждалась тем, что все вокруг суетятся, исполняя её требования.

Мой проект начал осуществляться. Большая стройка требовала много моего времени, которое уходило на дизайнерский контроль. Появились дополнительно мелкие заказы. Времени на себя и на дом почти не оставалось.

Ответственность – одно из моих качеств характера. Этому научили ещё в детстве. Мой бизнес начал двигаться вперёд, а это ответственность перед своими рабочими и перед заказчиками. Мой дом и моя семья – тоже ответственность. Но времени на дом и семью оставалось совсем немного. У Дениса уже была жена, которая могла организовать своё вре-

мя так, чтобы успевать ему, хотя бы, готовить еду. Об этом я детям и объявила за ужином. Дениске нужна диета с его возобновившимся заболеванием сердца. Решение они приняли странное: обедать и ужинать в кафе. Меланья, вероятно, не могла себя напрягать какой-то готовкой для любимого мужа. Трещина в наших отношениях ширилась. В моём доме появилась нехорошая тишина, которая в любой момент могла взорваться. Младший делал вид или на самом деле не понимал, что назревает взрыв.

Приняла и это. Надежда на какую-то помощь от Меланьи или от Дениса улетучилась. Для себя разносолы не готовила. Всё на быструю руку. Вот Шурке всё равно надо варить каши с мясом. Очень люблю своих звериков, чтобы травить их кормами. Светика, конечно, как всегда, выручала. И погуляет, и накормит, хотя у неё самой своя семья и свои собаки. Незаменимый друг. Не подруга. Именно, друг. Ценю.

Наступивший июнь был моим ужасом, который увеличивался в разы с каждым днём. Он стоял такой же жаркий, как и тот, в прошлом году, где невыносимо – ослепительное солнце выжигало мне глаза и сжигало душу. Приближалась годовщина моего старшего сына. Первый жуткий год без сына был только первым годом. Потом будут года. То, что первый, не самый тяжёлый, ещё не могла знать. Десять дней до 17 июня и десять дней после – временной отрезок моего небытия на физическом уровне. То, что так будет, практически, каждый год, тоже не знала. Меня будто выключили из

всех земных дел. Одни рефлексy, как у собаки Павлова. Надо, делаю, но не понимаю, что и зачем. Такое состояние не объяснить. Хочется сбежать к сыну и жить там, с ним вместе. Или не жить. Но с сыном. Состояние сомнамбулы. Шурка, как всегда, сопровождала меня. Лежала рядом и бдила.

Боль складывала пополам. Моя собака принималась лизать мне лицо, руки, которые были горькими от слёз. Если её нежности меня не успокаивали, она придвигалась близко-близко и била лапой долго и больно. Лапа тяжёлая, а ещё Шурка специально выпускала когти – настоящая лапа медведя. Она просчитала, что так будет действенной. Черныши – собаки с интеллектом. Моя Шурка – уникал. Все это признавали. Физическая боль заставляла вернуться обратно в реальность. Димка, как всегда, улыбался с фотографии. Дениса, как всегда, не было рядом. Он не понимал и не хотел понимать меня в такие моменты. Ему проще отстраниться и подождать, когда я сама справлюсь со своим состоянием. Как же я ждала от него, как от своего сына и как от единственного мужчины в семье, тепла: объятий и слов.

Дениска стеснялся показать свои чувства ко мне после женитьбы. Почему? Не знаю. Мы перестали с младшим разговаривать совсем. Так, общие фразы. На уровне знакомых, которые живут через дорогу и им приходится волей – неволей приветствовать друг друга и интересоваться здоровьем и делами только потому, что так принято в обществе соседей. Конечно, пыталась достучаться до него. Он отвечал, что

любит меня, как и прежде. Вот только этой любви я не чувствовала. Может быть, многого требовала от младшего? Может быть. Только он – мужчина, а я – женщина. Старший это чётко понимал. Мальчик-то вырос. Женился. Готовился стать папой. Никогда не понимала народной «мудрости», что сыновей рожают и растят для других женщин. Есть же родственные нити, которые нельзя рвать ни при каких обстоятельствах. Это преступление против своего рода. Человеческие ценности – самое важное для меня. Думала, что и для моих сыновей это аксиома. Не всё так однозначно оказалось в будущем. В младшем сыне были не только мои гены. Были, к сожалению, и не лучшие папины.

– А гены пальцем не размажешь, – где-то слышала такую фразу. Не помню, кто сказал.

Для меня нет святей религии:
Старший сын, что уже не со мной.
И ношу я свои вериги,
Ожидая пути домой.
Вся проклятьем душа проклёпана.
Взгляд мой чёрен – зрачок пробит.
Вопрошаю я немо Бога:
Отчего мне Земля, как скит?
Разрубили меня, раздвоили.
Не мертва, но уже не жива.
И за что мне такое горе:

Есть два сына, но я одна?

Мои подружки Жанна и Наталья вместе со Светикой помогли приготовить обед для Димкиного дня. Я наложила запрет на слова, которые обычно говорят в такие дни. Сын для меня жив. Он в командировке. Наши гости не поднимают тосты за помин души. Мы пьём, едим, говорим, смеёмся. Сын рядом, я знаю. Дмитрий жив, пока память о нём жива. В этот год было невероятное количество народа. Пришли, приехали, прилетели, чтобы поддержать меня и Дениса. Благодарность всем.

Для меня 17 июня – страшный день. На таблетках, уколах и с невероятными моими усилиями, чтобы держаться достойно, без срывов, пока гости в доме. А там, как Бог даст. От меня ничего не зависит. Психосоматика. Пришлось научиться и это понимать, чтобы как-то выкарабкиваться из своих диких состояний.

Жгуча боль. Как кинжалом, время
Мне кромсает на части грудь.
До сих пор не могу поверить,
Что сыночка уже не вернуть.

Закрываю я боль в темницу
И ключи уношу с собой.
«Не услышишь его! Не увидишь!», -

Вслед кричит разрывная боль.

Слёзы градом. И стон из горла.

Не хочу ни дышать. Ни жить.

Меркнет свет и вокруг убого.

Мне опять до рассвета стыть.

На годовщину Дмитрия пришла бабушка Меланьи. Ду-
маю, что из чистого любопытства. Родителей не было. Не
сочли важным для себя. Зачем брать на себя чужой нега-
тив? Какое там: разделить горе, как родственники. Это ни
Боже мой. Своих же проблем достаточно. Наши семьи долж-
ны были бы объединиться после того, как Денис и Меланья
поженились. Увы, мы общались сдержанно-вежливо по име-
ни-отчеству. У каждой семьи свои ценности. В той семье,
как бы они не скрывали это, превалировали материальные
вещи. Что можно ожидать от сухости душ? Равнодушие. Так
что же я хотела от Меланьи, когда она воспитана в такой се-
мье? Не зря раньше присматривались к семьям, откуда хоте-
ли брать девушку в жёны. Ой, не зря.

Когда пришла в себя после Димкиного дня, озадачил во-
прос, которые мне задали буквально одновременно несколь-
ко наших гостей:

– Меланья всегда ТАК себя ведёт?»

На моё удивлённое:

– Как?– дали похожие ответы:

– Так, как будто сделала одолжение, что посетила данное мероприятие и осчастливила нас своим присутствием.

Оказывается, многие заметили её пренебрежение и высокомерие по отношению ко всем остальным. Кого-то сильно задело. А я-то уже и не замечала такого её «носоворотения», живя с ней рядом. Взяла себе на заметку, но говорить об этом ни Меланье, ни Денису не стала. Не видела смысла рушить хрупкий мир сосуществования.

У каждого свой срок. Предназначенье.
И я балластом, к счастью, не живу.
Мы – дети все от Божьего творенья
И каждого зажжёт он, как свечу.
Чадит и шает. Медленно и плавно.
Как фейерверк и больше нет огня.
Все мы горим: кто праведно, кто жалко.
Не догораю. Только нет меня.

Июль 2007 года стал для меня ещё одной бедой-горем. Откуда не ждёшь, откуда и приходит. Павел стал раздражать: глупые претензии, никчемные слова, ненужные оправдания. Решила поставить точку. Сама. Он немедленно примчался после моего звонка. Услышал мой приговор и «взбесился». Принялся убеждать. Потом орать. И так в течение часа. Столько гадостей выслушала. Всё пустое, если приняла решение. Павел во всём обвинил меня и закончил грубо-

СТЬЮ.

Финал любви: «Захлопни пасть!»
От слов от этих мне б пропасть.
Ни злости, просто, в пальцах дрожь.
Ни боли и ни к горлу нож.
Нет ничего. Лишь пустота.
Нет удивленья: жизнь проста.

Хлопнув дверью, уехал. Я выдохнула. Надеялась, что навсегда. Хвосты я рублю одним махом, если решаюсь на разрыв. Будущего у нас не было.

12 июля у Маргаритки день рождения. Позвали на семейный праздник. Отмечали в маленькой квартире родителей. Поражало огромное количество икон в их доме. Все верхние полки, в так называемой «стенке», занимали разнообразные «портреты» с ликами святых. Зачем так много? И напоказ: смотрите, какие мы, чтущие Бога? Считаю, только поступки людей могут показать степень их праведности, но не слова. Как и иконы, купленные в церковной лавке. Соблюдение всех постов и стояние в церкви всю пасхальную ночь, не показатель для меня, если человек своим поведением опровергает то, что выставляет на обозрение.

Показная набожность противна, как и ханжество. В Меланье нет уважения к старшим. Не заложили. Странно. Семья-то совсем немаленькая: три бабушки и дедушка в нали-

чие есть. Оказалось, не уважают не только меня, чужую, но и своих тоже. Гостиная в квартире, как и все остальные комнаты, маленькая. Стол посередине поставили. Одна часть гостей, в том числе и я, сидела на стульях с одного края стола, другая на диване, на противоположном крае стола. Меланья и Дениска оказались в дальнем углу дивана, рядом сидел дедушка и Евдокия Трофимовна, его жена. Меланья носила очень короткие платья, хотя животик вырос уже приличный. Девочку все ждали в сентябре. Будущей маме понадобилось выйти. Можно было через нас или через диван. Предпочла диван. Перешагивая через дедушку, она получила от него замечание:

– Платье надо было надеть подлиннее, а то всё видно, внуча.

Реакция Меланьи, как холодный душ для меня. Она встала над дедом и демонстративно начала махать подолом перед его носом, приговаривая:

– Что хочь, то и ношу. Не тебе меня учить, дедуся.

Мне стало неловко за неё. Всё-таки, во-первых, он – мужчина, а во-вторых, он – её дед. Никто не сделал замечания. Это норма поведения? Может быть, я так старорежимно воспитана: не понимаю «новых» веяний? Не думаю. Правила приличия были, есть и будут всегда.

Конечно, Меланья не окончила Институт благородных девиц, но такое поведение ни в какие рамки... Я придиралась? Ужасалась. У меня будет внука. Чему сможет научить де-

вочку такая, невоспитанная ни разу, её мама? Авторитетов у Меланьи не было. Так и не поняла её поступка. Что она хотела продемонстрировать? И кому? Мне? Денису? Своим родным? Гормональные сбои? Как-то уж через чур. Делаю выводы для себя, не усугубляя разборками наше сожительство под одной крышей. Меньше месяца прошло с Димкиного дня. Ещё болело. Очень. И я была в разобранном виде, как кукла: тело, руки-ноги есть, а голова отдельно и сердце вырвано. Себя бы сохранить, какие разговоры?

Боль моя, как Джин в бутылке:
Чуть затрону – вот она.
И спасаюсь я в картинках.
Слёзы прочь. Но только зря.

А какое нынче лето!
Солнце, грозы и жара!
Старший мой сыночек, где ты?
Одинок без тебя.

Если вышел Джин на волю,
Не загнать его порой.
Нет, не сетую на долю.
У меня не плачь, а вой.

Всё мечусь я по подушке.

Не могу глаза открыть.
У меня одна подружка.
Эта знает, ЧТО мне жить.

Днём смеюсь и горе прячу.
Всё работа и дела.
Ночью сны о счастье снятся.
И Митяша в них всегда.

Не хочу я верить в данность.
Всё надеюсь. Очень жду.
Мальчик мой придёт однажды...
Я увижу. Оживу.

В августе я уезжала в Германию. Предоставила сама себе отпуск на 3 недели. Мои друзья Нина и Георг прислали приглашение, и я оформляла визу. Надо бы обновить свой гардероб. Только ничего не хотелось для себя. Совсем. Я так устала от каждодневно – сжигающего меня горя, от постоянного контроля над собой, от своего одиночества в собственном доме, от непонимания и отдаления младшего сына, что уже считала дни до моего отъезда. Мне надо вырваться за пределы России. Сменить полностью всю обстановку. Не была в отпуске шесть лет. Невероятно. Дениска получал второе высшее образование, ему нужна была моя помощь. Мои сыновья – самое главное в моей жизни. Для них и живу.

За визой надо ехать в соседний город. Электричкой долго, поехала на автобусе. Самолётные сидения, музыка, ровная дорога, за окном мелькали деревья и пейзажи. Два часа размышлений над своей судьбой. Пыталась понять, как мне мириться со всем, что выпадает на мою долю. Димка – Дениска. Усталость дикая. До безразличия. Одно желание: забиться, забиться, закрыться, пока всё не закончится. Нежизненная наивность. Глупо, конечно, об этом даже мечтать. Димку не вернуть. А Дениску? Что случилось с моим младшим сыном? Почему так происходит? Мой младший был добрым мальчиком. Писал мне открытки, полные любви и забавных, но таких искренних, пожеланий.

– Мамулька!!!! Поздравляю тебя от всего сердца С Днём Твоего Рождения! Желаю тебе всего самого наилучшего и взять, как можно больше, от жизни, ведь живём один раз и жизнь так коротка, что прожить её надо весело. От сына Дениса любимой маме.

Эту открытку он написал в свои двенадцать лет.

– Мамунчик!!! Я поздравляю с этим христианским праздником, то есть Пасхой. Пусть Бог никогда тебя не забывает и не даёт тебе несчастий, а даёт только одно счастье и радость. Я хочу, чтобы ты никогда не плакала, а только смеялась. В этот святой праздник твой младший сын Денис.

А эту открытку он подписал мне в четырнадцать лет. Ещё были открытки. Много. Но самая неожиданно приятная в десять лет, после разрыва с его отцом, датированная первым

декабря:

– Мама!!! Поздравляю тебя с первым днём зимы. Надеюсь, что она будет тебе счастьем, а не горем. Желаю успеха в бизнесе. Денис. Куда – домой. Кому – Ирине. От кого – от Дениса. Откуда – из дома.

– Любимая Мамуля!!! С праздником тебя. Будь счастлива всегда и везде. И не теряйся ни в каких ситуациях. С Любовью и Нежностью Я!!!

Где потерялась теперь его Любовь и Нежность ко мне? Кто мог её забрать? Жена и мама. Две женщины, но любовь к обеим женщинам разная. Какая тут может быть ревность? Я приняла выбор младшего сына. Конечно, Меланья – не лучший вариант для меня. Но это его выбор. Они уже ждут ребёнка. А я своих сыновей всегда учила, бросать своих детей, это грех. Пример их отца. Мои мальчишки знали, что такое расти без папы.

Визу получила. Купила билеты на самолёт. Вернулась домой. Жизнь продолжалась. Работа. Мои подруги и друзья. Мои зверики. Мои такие самостоятельные дети: Дениска и Меланья. Оба были в ремонте и в обустройстве своего гнезда. На удивление было спокойно в нашем Королевстве до момента, который разрушил всю мою последующую жизнь, добавив ещё одно горе.

Я оставляла свой бизнес на три недели, а потому готовила план работы на всё время моего отсутствия. Работала допоздна. Моя привычка пить кефира на ночь обернулась тра-

гедией. Для меня. Комната детей, в которой они жили, находится рядом с кухней. Надо пройти около их комнаты, чтобы попасть к холодильнику и кружке кефира. Проходя мимо их двери, невольно услышала разговор. Вернее сказать, громкие, почти истеричные фразы Меланьи:

– Да мне плевать на твою мать! Я так хочу и так должно быть: кровать мы закажем у Павла. И не перечь мне!

Мой сын не отреагировал на слова жены про его мать. Он спокойно пытался объяснить ей снова и снова про Павла. О мебель у Павла мы с Дениской договорились. Объяснив сыну всю ситуацию, попросила ничего у него не заказывать. Таких мастеров со своими цехами много, а значит, выбор есть. Сын согласился. А Меланье было на меня «плевать». Она смаковала пренебрежение ко мне, настаивая раз за разом. И младший снова и снова ничего не слышал. Меня «захлестнули» эти слова. В моём доме на меня же и «наплевать». Самоуважение моё никуда не исчезло.

Постучала в дверь к ним, вызвала сына и сказала:

– Сын! Странно, что ты не заступился за меня, когда твоя жена так про твою мать. Не одёрнул её. Вы жили у меня. После этого уже не живёте. Утром съезжайте. Не хочу, чтобы в моём доме на меня же и плевали. Вам есть куда переехать.

Уходя, пробурчала себе под нос:

– Маленькая неблагодарная сучка.

Думала, что тихо сказала. Ан, нет, Меланья услышала. Работая я в своей студии. Только зашла к себе, как влетела

фурия. Меланья намного ниже меня, где-то по плечо. В своём коротеньком халатике подлетела ко мне вплотную. Руки в карманах.

– Это Вы меня так обозвали?

Молча, сверху вниз, я смотрела на её лицо и думала: сейчас зрачки выпадут. Столько ненависти в её глазах, в её позе, в её словах. Это маленькое злобное существо вдруг начало наскакивать на меня с кулачками:

– Вы хотите, чтобы у меня выкидыш был?

Я:

– Нет. Не хочу, но ты сама сейчас потеряешь ребёнка.

Меланья:

– Вы Димку разводили с Юлькой, теперь меня решили с Денисом развести?

Вот этого не надо было ей говорить. Даже имя старшего сына произносить.

Я:

– Не смей! Это мой сын. И его нет. И Юльку не трогай. Тебе до неё, как до Марса.

Тут подоспел Денис. Он пытался успокоить свою разбушевавшуюся жену ещё, минимум, полчаса. По моей студии летало всё: мои чертежи, мои ткани, мои стулья и книги. Взрыв произошёл. В экстремальных ситуациях, становлюсь каменной. Ни эмоций, ни действий, только мысли чётко работают, ищут варианты решения. Тут пустота. Меня ударили под дых и оставили одну: сможешь, выживи.

Денис и Меланья закрылись в своей комнате, а я ушла в гостиную и всю ночь, сидя в кресле, проревела. Включила фильм «Живой» на бесконечное просматривание. Так с Димкой и одиночеством встретила своё утро.

19 июля – ещё один мой страшный день, но тогда я этого даже предположить не могла, насколько он будет необратимым.

Рано утром, выгуляв собаку, ушла из дома. Находиться в своей квартире после ночного кошмара было невыносимо. Целый день приходила в себя, гуляя по улицам города и размышляя над всем, что случилось ночью.

Как замедленная съёмка:
«Ненавижу!», – мне в лицо.
За плечами годы горкой.
Кровь из вены – горячо.

Я одна. И мир, как банка.
За стекляшками сижу.
И в душе такая свалка...
Выход где, не нахожу.

Всё застыло в диком крике.
И зрачки черным черны.
Как болотные кулики
Разлетелись я и ты.

Младший сын, да что же это?
Почему так вышло вдруг?
Было очень жарким лето.
Дождь стеной и замкнут круг.

Вечером, вернувшись домой, я наблюдала такую картину. Дети переезжали. Никто из двоих даже мысли не допускал: попросить прощения. Меланья очень резво на своём солидном животике перетаскивала коробки. И запреты врача не играли роли, как с десятком яиц от машины до квартиры. На её лице читалось такое превосходство... Она будто выиграла приз в сто миллионов, поднявшись сразу на недосягаемую для меня высоту. Неприятно поразило. Только по истечению долгого времени, поняла: Меланья была права в своём «возвышении» надо мной. Моего младшего сына она, наконец-то, прибрала к рукам, оторвав от меня и от нашей семьи. Ещё одна её «продуманность» удалась. Если в человеке живёт ненависть, он найдёт, кого ненавидеть. Предметом её ненависти стала я. Это же так понятно: умница-красавица, сама доброта— невестка и такая неумно-страшная, постоянно придирающаяся свекровка. Классика. И свою беременность можно в качестве бонуса добавить: кто же сможет осудить такую беззащитную будущую мамочку? Да никто и никогда. Расчёт верный. Моя наивность в справедливости и честности здесь зашкаливает, вероятно. Все мои материаль-

ные подарки Меланья забрала, а вот иконы, что я им дарила, оставила. Акт презрения ко мне? Ценности определяли её сущность.

Пару месяцев назад я отправляла детей к своему психологу Наталье. Как ни странно, но Меланья согласилась с ней побеседовать. Денис отказался наотрез.

После беседы с Меланьей, Наталья мне сказала только одну фразу:

– Девочка инфантильна и эгоистична. Дай Бог ей дорасти когда-нибудь до Дениса. Про тебя речи нет.

Врачебная этика большего не позволяла, но я и не настаивала. Фраза психолога объясняла многое в поведении Меланьи.

Дениска всё же оставался моим сыном, как я надеялась.

Мой самолёт улетал через неделю. Дом оставался без присмотра. Зверики тоже. Позвонила сыну и попросила, когда уеду, присмотреть за всем хозяйством. Сын ответил отказом, без объяснений. На хозяйстве на целых три недели оставалась опять моя Светика. Она, конечно, не могла мне отказать. Тут без вариантов.

После неприятного разговора с младшим, у меня прямо в аптеке случилось кровотечение. В несколько секунд подо мной образовалась лужа из крови. Фармацевты вызвали «Скорую помощь». Случайно в этой аптеке, а она недалеко от нашего дома, оказалась соседка. Она позвонила моему сыну и сообщила, что маму увезли в больницу на «Скорой».

Реакции не последовало. Была тишина. Ни звонка, ни приезда. После обследования, врач, взяв с меня расписку, отпустила из больницы под мою ответственность.

Я осталась одна со всеми своими болями и проблемами. Сама виновата? Надо было прогнуться под невестку, чтобы сына не потерять? Так многие свекрови делают. Только не я. Считала унижение оскорблением для своего достоинства. Невестка-свекровь игра не в одни ворота. Взаимное уважение. Больше ничего и не надо для нормального сосуществования. Как я жалела в такие моменты, что старшего сына нет рядом. Он бы никогда не допустил такого отношения ко мне со стороны младшего брата, а тем более Меланьи. Безысходное одиночество окружало меня в моём большом доме. Одно спасало, мой отъезд через несколько дней.

Для своих «немцев» сделала подарок – панно собора Христа Спасителя в лоскутной мозаике. Накупила русского шоколада. Для будущей внучки Нины погремушек из СССР. Чемодан собран. Мой длинный перелёт и я в Германии.

В Штутгарте встретили с цветами и объятиями. Новые впечатления от полутора часов пути до дома, который находился в Швебишгмюнде. Странное ощущение возникло у меня, как только села в самолёт: старший сын рядом. Я ехала в путешествие вместе с ним. Он стал моим Ангелом – хранителем на всё моё путешествие в чужой стране. То, что Димка со мной, чувствовала на физическом уровне. Как говорят, кожей. Сама себе придумала? Пусть и так, но мне было спо-

койно, как давно не было. Иногда казалось, что я слышу, как он дышит.

Германия. Воздух, как небо.
И солнечны сливы в саду.
И утро, как свежесть от хлеба.
Боль есть. Но опять же... живу.
Дышу, наслаждаясь покоем,
Где звон колокольный в тиши.
Здесь всё абсолютно иное.
Приют для уставшей души.

Мне выделили комнату, где на полу в вазе из дизайнерского стекла стояли огромные восхитительные гладиолусы. В аэропорт не повезли из-за их размера. Они были срезаны на поле для меня. Радужный приём и цветы – такая малость. Но я ощутила себя вновь немножечко счастливой. Ещё маленькая приятность – собор Христа Спасителя понравился моим друзьям.

Вот только Георг долго сопротивлялся подарку:
– Это так дорого! Ручная работа.

Мне лестно слышать такие слова от него. Еле уговорила. Кто бы так ценил авторские ручные работы в России? В своём Отечестве пророков нет, к сожалению.

В первое же воскресенье мы отправились на озеро Ellwangen купаться и загорать. Разница во времени меня

немного разбалансировала, но я наслаждалась всем. Пыталась настроиться только на отдых и на новые впечатления. Понемногу удавалось.

Погода была прохладной. Для местного населения. Для russische Frau вода была великолепной, и я плавала, плавала, плавала. На волнах озера покачивались яхты, утки-гуси и я. Надувные матрасы проносили мимо своих пассажиров. В очередном своём заплыве я, повернув голову, увидела молодого парнишку, который мирно спал на своём кораблике-матрасе. Он проплывал достаточно близко, и я замерла в воде, чтобы пропустить. Лица его не увидела, увидела татуировку на лодыжке: японский иероглиф. Вспышка! Секунда! Я почти схватилась за край матраса: Димка! У моего сына был такой же иероглиф и, именно, там же, где у парнишки. Меня выбросило из воды.

Отдышалась и к Нине, выговориться. В Германии о таком говорят: «прикоснулся», дал о себе знать. Не надо меня убеждать, что я сходила с ума от своего горя. Мои ощущения от близости сына подтвердились. Немного отпустило. Начала дышать, а не задыхаться от боли, которая, как обычно, петлёй на шее.

Германия. Горы и горы.
И море повсюду цветов.
Моё растворённое горе.
Шаг к счастью частично готов.

И яхты стоят у причала,
Все мачты подняв к небесам.
Я жить начинаю сначала,
Плывя по зелёным волнам.

Мне солнце глаза заливает,
Так ярок он – летний денёк.
Я в этом такая нагая.
Ещё... прикоснулся сынок.

Нина и Георг работали. Утром я не выходила к завтраку, давала им время для личного общения. Понимала, что чужой человек в доме, пусть и большом, это напряжение и ущемление во времени и в пространстве. Ограничения, в любом случае. Просыпалась рано, читала Акунина «Турецкий гамбит» или смотрела в окно, где небо и листва создавали завораживающую картину. Гладила свою память, уговаривала, жалела и лелеяла. Просила её дать мне отдохнуть от моей безысходной тоски. Дениска тоже был у меня в уме. Надеялась, что, как только вернусь в Россию домой, у нас всё наладится. Даже и не сомневалась почему-то в этом: мой же сын. Младший. Единственный теперь на Земле.

Позавтракав, выходила в сад босиком и бродила по траве вокруг дома. Покой и умиротворение – это всё, что чувствовала в саду. Две огромные сливы уже были с плодами. Десерт

на завтрак. Слива «ренклюд» напоминала моё детство. Такое же раскидистое дерево с золотисто-жёлтыми, очень сочными, круглыми плодами росло в саду у моей бабушки и моего дедушки на Кубани. Набрал целую миску слив, объедалась вкуснятиной, которая была невероятно сладкой и сочной. Сок, как в детстве, восхитительно стекал по щекам и рукам.

Германия. В небо сквозь сливу
Смотрю, созерцая себя.
Всё просто. Достоинно. Красиво.
И это, как будто, не я.
Забавно ворона гуляет,
Так важно ступая по мху.
Прогулка её заставляет
Задуматься. Вдруг что пойму...

Непуганые вороны и кот Моррис забавляли. Коту четырнадцать лет. Он, как настоящий матёрый котяра, гулял сам по себе. Моррис имел всего один клык из всех зубов. Однако это не мешало ему, в благодарность за вкусняшки, будто дома его вовсе не кормят, приносить по ночам соседке фрау Ланц мышей и складывать их у неё на крылечке. Удивлению моему не было предела: мышей всегда не меньше шести-восьми штук. Как он с ними справлялся?

Георг внёс ясность:

– Моррис их до смерти засасывает.

Юморист Георг. Совсем не похож на обычного немца, который сух и неэмоционален. Георг – взрыв позитива. Так радоваться пакету «безе», который мы с Ниной купили для него в кондитерской, мог только ребёнок. С обнимашками и восторгом. Бальзам на душу. У Нины протекал сложный период восстановления самой себя. Иногда мне хотелось её прижать к себе и гладить по головке, как маленькую девочку, но я боялась её обидеть своей жалостью. Конечно, мы с ней говорили много и долго. Нина работала до обеда. Георг иногда до ночи. У нас было время путешествовать по соседним городкам и деревням, которые меня не переставали восхищать своей сказочной кукольностью, и беседовать. Впитывала всё. Стойкое ощущение от первого посещения Германии – красота, чистота и умиротворение.

Эти домики – игрушки.
И цветы, цветы, цветы.
И костёлы, и церквушки.
Замки, башни и мосты.
И приветливое солнце
Заливает мне глаза.
Что тут делать остаётся?
Тает скорбная душа.
Наслаждается покоем.
Миротворен каждый шаг.

Я в Германии. И что же?
Liebe Deutschland. Liebe. Ja!

*

Полное наслаждение,
Будто в раю нахожусь.
Птичье за окнами пение.
Полнится розовый куст.

Нина и Георг распланировали весь мой отпуск: путешествий предстояло много. Я приехала в другую страну за новыми впечатлениями. Они выстраивали заново свои отношения. В тот сложный год мы были нужны друг другу. Мой приезд вносил суматоху в их размеренную жизнь, но и давал возможность отвлечься от своих проблем: гости всегда требуют внимания, как бы то ни было. Через интернет Георг купил мне фотоаппарат. Он, кроме всего прочего, профи в фотографии. Его великолепные работы не только украшали стены их дома, но и печатались в солидных журналах. Я рада поучиться у такого гуру искусству фотографии. Доходило до комизма.

Мы с Ниной на поезде поехали навестить её бывшего мужа, который лежал в госпитале после операции в далёком городке Wimpfen. Буквально в первую же неделю моего приезда. Я и так смотрела во все глаза на пробежавшие мимо городки, деревни, леса и сады. А, сойдя на маленькой и такой красивой станции, уже не могла остановиться и только «щёл-

кала» всё подряд. Вместо десяти минут мы шли полтора часа от станции до госпиталя. Спасибо моей подруге за такое ангельское терпение. Завораживало всё. В этом городке впервые увидела цветы, которые назывались «Дудочка Ангела». Какая-то особая прелесть в этих необычных колокольчиках размером с ладонь. Никак не могла наглядеться на то, что видела вокруг. Это не восторг провинциалки, которая ничего не видела «слаще морковки». Москва— столица. Там прошла большая часть моей жизни. И путешествовала я много. Родителям моим благодарность.

В Германии всё иное. Разноцветные домики, как из сказок Андерсена. Не море, океан цветов. Они везде и всюду. Чистота даже в лесу. Немцы любят свою страну. Это поражало больше всего. Мои соотечественники живут в России и у меня порой такое ощущение, что россияне свою страну люто ненавидят. Конечно, есть и свои плюсы. Страна огромная. Только это не должно означать, что её можно загаживать, начиная с брошенного окурка и фантика от конфет. Всё идёт из семьи, само собой.

Мои сыновья с самого раннего возраста знали: чем меньше мусора на улице, тем чище наша Земля и свежее воздух. Они с детства фантики в карманы. Мы сами ходим по эти улицам и в грязи, ежели что. По работе много ездили с Дениской на его машине. Бывало так, что не успевали и поесть: дела-заботы, нехватка времени. В машине всегда сок и крекеры, как и мешки для мусора. Меланья иногда сопро-

вождала мужа. Запомнившийся неприглядный эпизод с ней, как пример дурного воспитания. Не придираюсь. Констатирую факт. Очередной, к моему великому сожалению. Девочка выпила сок и, не задумываясь, выбросила пустую коробку в окно машины. Денис среагировал быстрее меня. Остановил машину и подобрал коробку, укоризненно глянув на Меланью. Её самодовольный смех был мне неприятен. Муж прогнулся под жену. На глазах своей матери.

Попыталась ей объяснить, но:

– А что тут такого? Мы по лесу едем.

У девочки вполне интеллигентные, на первый взгляд, родители и бабушка. Папа – экономист на огромном военном заводе, мама – медик, бабушка – бухгалтер. Интеллигентность – это не образование. Наличие породы и состояние души. А сколько таких девочек и мальчиков, которые, не задумываясь о последствиях, засоряют Россию? Мелочь? Совсем так не думаю. Сожалею и очень.

Понимаю, что в Германии не у всех есть высшее образование, не все интеллигенты, но патриотическое воспитание в этой стране глобальное. Увидела. И начинается оно с заботы о чистоте страны, которую культивируют в семьях. Меня можно обвинить в возвеличивании другой страны и в презрении к своей. Россию люблю. Я – россиянка. О чём с гордостью и говорю. Моя любовь, именно, к своей стране не позволяет быть равнодушной. Мой старший сын отдал самое дорогое, что у него было, жизнь, чтобы наша Россия, как была,

так и оставалась великой державой. Всё начинается с малого и в своей собственной семье. В этом убеждена твёрдо.

Путешествуя по Западной Германии, я не только выживала, я оживала, а значит, уже могла размышлять, сравнивать, чему-то учиться, то есть, росла. Любой человек, остановившийся в своём духовном росте, по большому счёту, неживой. Сложно нам, особенным мамам, думать о каком-то духовном росте, когда ты раньше срока проводил своё дитя в невозвратный путь.

Когда я стала мамой без старшего сына, то и предположить не могла, как много нас: мам без сыновей и дочерей. Не все находят в себе силы, выжить и жить дальше, найдя любую важность, чтобы зацепиться за будущее. Мне нужна была такая поездка— встряска, именно, в тот второй год. Так сложилось, что это была Германия. Вот за это постоянно благодарю своих друзей-немцев, которые мне её организовали и взяли на себя почти всё финансовое обеспечение. Тепло и забота — впечатление от их дома. Чужая страна меня понимала и принимала.

«Губами шлёпаю я правильно».

Genau переводится с немецкого.

Я душу запечатала отчаянно.

В сосуде-теле появилась колко трещина.

Бинтую раны от увиденного мудростью,

Кровь останавливаю древней красотой.

Здесь на улыбки не страдают люди скупостью.
В стране чужой всё солнце надо мной.

Естественно, я размышляла и о своей жизни, и о своих испытаниях, которые надо было пройти достойно.

Младший сын. Почти каждый день я разговаривала с ним мысленно, другого варианта не было. Честно пыталась понять невестку. Ставила себя на её место. Не получалось никак. Изначально я другая. Совсем. Как ни старалась, не могла вспомнить ничего хорошего о ней. Абсолютно ничего. Странно. Обычно у каждого человека находится хоть капля добра или капля разума, чтобы оставить о себе маленькую толику светлого.

– У памяти хороший вкус, – мудрость Баталова не срабатывала в этом случае.

Слова Меланьи:

– А что вы для меня сделали? – постоянно крутились в моей голове.

Девочка этими словами отбросила себя настолько далеко от меня и от моего восприятия её, как невестки, что расстояние было равно нескольким десяткам световых лет. Маленькая девочка являлась, по сути, большой эгоисткой. Она играла в куклы, где куклами были я и Денис. Моё неподчинение очень не нравилось Меланье. Приводило в бешенство. Но «приручить» или «наклонить» меня у неё не получалось, какие бы усилия она не прилагала. Я выбыла из игры. Остал-

ся один муж, который слепо влюблён в жену и трепетно ждал свою доченьку.

Мальчик мой, не надо глупостей.
Умножать и жить по ним.
Жизнь, как миг, в своей минутности.
Мама – я, а ты мне сын.
Нам не стоит всё разменивать-
Медяки да пятаки.
Я – почти сухое дерево,
Быть врагом мне не с руки.
Принимаю всю изменчивость,
Вся капризность от Судьбы.
Но души твоей заснеженность
Непонятна мне, увы.
Ты, конечно, вырос, сыночка.
Будь здоров и невредим.
Но, как был, моя кровиночка,
Так ты мною и любим.
Всё проходит в мире замкнуто –
Успевай себя ловить.
Зарастут обиды травкою,
Что заборы городить.
Пусть мечты тобою полнятся.
Полководец иль судья?
В колеснице или с конницей?

Выбор твой, но мы – семья.

Даже предположить не могла, каким жёстким, а потом и жестоким окажется судья и какие страшные конники будут топтать мою судьбу. Какое бесчеловечное «наказание» в наказание придумает для меня Меланья.

А пока отпуск мой продолжался. Нина рассказывала немецкие притчи, баловала блюдами немецкой кухни. Вечера были особенно чудесными. На открытой террасе ужинали поздно, когда фонарики в саду и свечи на столе создавали атмосферу неги и блаженства. За бокалом вина, когда деликатесы уже съедены и оценены, неспешные беседы обо всём. Нашу такую роскошную лень прерывало цоканье ёжика, который каждый вечер тоже торопился поужинать из мисок Морриса. Надо быстро поднять ноги, иначе колючки пройдутся по голым ступням, а это не так приятно. Нисколько не смущаясь, он ел сначала из одной миски, где лежала еда, а потом запивал еду молочком из другой миски. Иногда, насытившись, ёжик засыпал прямо в миске с молоком. Откуда ежу было известно о ваннах Нефертити? Это и смешило, и умиляло.

Мне нравилось всё: я впитывала дух страны и дух людей, которые окружали на данный момент. В очередном нашем с Ниной коротком путешествии я влюбилась в kirche – церковь, которая находилась на высокой горе. Это Rechnerg.

Крутой подъём через буковый лес был долгим и каким-то

нереальным из-за тумана, что окутал подножие горы. Разговор у нас на эмоциях, а потому с частыми остановками. Отдышаться. Время к вечеру, солнце шло на закат. Холодало. Взобрались на гору. Запыхавшись, замерли в немом восторге. Вид, который открылся сверху, был невероятным. Налюбовавшись и сделав много фото с разных ракурсов, зашли внутрь. Kirchen не похожи на наши церкви. В них почти нет росписи и икон, как в христианских храмах. Скульптурная лепнина, витражи, высота готических потолков и скамьи для прихожан. Это верно продумано, я о скамьях. Иногда хочется посидеть и помолиться, или подумать, или поплакать тихо.

Kirche стала нашим с Ниной особым местом для души. Любим там бывать, когда я приезжаю в Германию. Взявшись за руки, можем сидеть и молчать. Тишина. Огонь свечей.

Твоей души неповторимость
Так радостно легла на сердце.
Как много в жизни изменилось,
Но, к счастью, родом мы из детства.

Твоя улыбка беззаботна.
Вот только знаю цену ей.
Иное так бесповоротно,
Что не понять причины всей.

Игра жестока – выжить сложно.
Стоишь, глаза закрыв на миг.
Небрежно и неосторожно
Потом идёшь на свой обрыв.

И думы горечью и болью -
Шипами в тело и мозги.
И обращаешься с душою,
Как с пленницей: «Не вой! Молчи!»

Бесстрастно время. Неизбежно
Отщёлкивает новый круг.
Не прогоняй своей надежды,
Не отвлекайся на испуг.

Ты силой духа величава.
Дурное как-то отойдёт.
Пусть память слева, разум справа.
Кораблик всё– таки плывёт.

Пусть наши судьбы не из лёгких,
Но наша дружба – не гроши.
Надломлен мир и другу плохо.
Всё просто: руку протяни.

Сложно складывать себя из обломков и кусочков. Душа –

не мозаика из зеркал. Мы пытались помочь друг другу, как могли и как получалось. Боль разная, но это боль, с которой порой нет сил справиться. Вот тут и важна поддержка: гласная, негласная, любая. «Когда тебе кажется, что Бог закрыл перед тобой дверь, оглянись... Обязательно где-то открыто окно».

Мы только вдвоём просмотрели фильм «Живой». Вместе поплакали, обнявшись. Георг на просмотр допущен не был, но он понял, почему и не настаивал. Мы – две мамы. У обеих сыновья. У меня Дмитрий и Денис. У Нины Зиги и Алекс. Мы – одноклассницы. Дети почти одного возраста. Объяснять маме двух сыновей ничего не надо такой же маме двух сыновей.

Погода была всегда комфортной, даже, когда шёл дождь. У меня отпуск. Под уютным пледом с тетрадкой для стихов или книгой, можно подремать в ожидании Нины. Или погладить бельё под мерный стук капель и поразмышлять. Для меня домашние дела – не обуза: надо и делаю, без особого фанатизма, но и без скрипа нервов. Быт – часть нашего существования в социуме. Никогда не было проблемой приготовить обед, ужин, постирать, убрать квартиру, если позволяло время. И даже, когда не позволяло, делала. Тут уже играло роль чувство ответственности.

Дождь хлещет, стихая на время.
«Собаками, кошками» дождь.

Вот время для неги и лени.
Теряя себя, обретёшь.
Блаженство от шёпота струек
И слёзками капли в стекле.
Надеюсь, волнуясь и веря,
Что лучик вернётся ко мне.

Первое длинное путешествие по рекам Mosel и Rhein. Оно рассчитано на три дня – на выходные Нины и Георга. Автобаны поражали своей идеальностью, а потому скорости конкретные, у некоторых под 300 км! Мы ехали, как положено. Георг за рулём, а это водитель по имени «Всёпоправилам». Скорость у нас немаленькая, даже разрешённая.

Калейдоскопность вида за окном успокаивала. Тихая музыка. Мои мысли. Всё на месте.

Забавный дед на голубом с «золотыми» молдингами кабриолете привлёк внимания, когда мы с ним поравнялись. Я и Нина встрепенулись одновременно. Глядели во все глаза, высунувшись в окна. Лимузин кабриолет был очень длинный и очень раритетный, а дедок уже вышел в ранг антиквариата. На вид лет этак девяносто, не меньше. Его шейный платок голубого цвета, в гамме с его авто, трепыхался на ветру, ковбойская шляпа сидела, как влитая на седой голове. Лицо гладко выбрито и, казалось, запах дорогого одеколona окутывал всё пространство вокруг. Победоносный и, одновременно, шаловливый вид. Не сговариваясь, мы с подругой стали

махать от восторга руками. Франт улыбнулся одними уголками губ. Чёрт возьми, как это здорово: история промелькнула рядом.

В Германии есть клубы миллионеров, которые коллекционируют раритетные авто, реставрируют их и потом «выгуливают» в таких вот путешествиях по своей стране и другим странам. Не надо ходить в музеи, можно и так прикоснуться к истории. Владельцы только рады рассказать о своих Porsche, Lamborghini, Stretch Limousine. Разрешают сфотографироваться и даже потрогать. Бережное отношение без запретов вызывает уважение.

Город Trier захватил своей историей. Римляне. IV век. Из-за ограниченности во времени меня провели только по главной улице этого древнейшего города. Улица Simeon-Straße с невероятным количеством туристов из разных стран мира, где гомон и гул различного люда создавали свою атмосферу. Начали экскурсию с площади Hauptmark. Мой взгляд зацепился за красивое здание, которое было таким не немецким с яркой росписью и дверью, находившейся на уровне второго этажа. Дом Трёх Королей или трёх Волхвов, пояснил Георг. Для желанных гостей опускали лестницу. Необычный способ входа несколько позабавил. Не рискнула бы я ходить в гости таким образом. Красота церкви Sankt Gangolf тоже была притягательной. Можно бесконечно её рассматривать и любоваться всеми мелочами, включая огромный циферблат часов, который начал отсчитывать время ещё в пятна-

дцатом веке. Фахверковые дома всегда были моей сказкой, а здесь они стояли всюду. Фотоаппарат работал без перерыва. Самый выдающийся архитектурный объект города Trier – северные ворота Porta Nigra, возведённые в 180 году от Рождения Христова типичным для римлян способом строения – без цемента и строительного раствора. «Дьявольское строение» до сих пор твёрдо стоит на земле города, вызывая своими чёрными камнями из песчаника стойкое благоговение, с некоторой толикой жути, перед такой древностью. Как заколдованная, я ходила вокруг этих ворот, впитывая живую историю и меня, как всегда, сопровождал старший сын. Мы вместе смотрели во все глаза, трогали эти мощные камни, покрытые уже где-то мхом, и обретали знания. Экскурсовод в красной тунике вернул меня в реальность. С невероятной ловкостью он вскочил, как на коня, на тумбу и, размахивая руками, пламенно ораторствовал. Настоящий римлянин, влюблённый в свою Империю.

Мост через реку Mosel. Строение до сих пор в почти первоизданном виде, не считая двух опор, которые пришлось восстанавливать после их взрыва французскими войсками в XVII веке. Все современные транспортные потоки он пропускает без проблем. Мост отстроен в 320 году. С трудом можно осознать такие временные отрезки длиной в 17 столетий. Всегда вспоминаю маму, когда вижу мосты. Она про них говорила: «мостики». Давно простила её за нелюбовь ко мне и смотрела на все «мостики» её глазами. Она бы радова-

лась и удивлялась, и уже что-то принимала к действию. Моя строгая мама, отдавшая себя, практически, только своей любимой работе. Не могу осуждать: она подарила мне жизнь. Самый великий дар мамы. Пусть моя судьба совсем не из лёгких, но я благодарна моей маме за многое. И всегда буду.

Первую ночь мы провели на старой мельнице, которую построили в 1585 и которой владеет до сих пор одна семья. Мельница утратила своё назначение и превратилась в гостиницу, где можно комфортно провести ночь и вкусно позавтракать. Вечером Георг пригласил нас с Ниной посидеть в гостиной и выпить вина. Холодильник полон разных сортов вина в самых простых бутылках. Всё рассчитано на честность и порядочность постояльцев гостиницы: сколько выпил бутылку, за столько и заплати. С нами в гостиной пила вино целая команда велосипедистов. Это подкупало, как и многое что в Германии. На полях вдоль дорог вдали от жилья растут целые плантации красивейших цветов, которые можно самим срезать, но при этом надо не забыть опустить монетки в жестяную коробочку в земле, чтобы и на следующий год фермер смог снова посадить цветы. Окна дома Нина и Георг оставили на три дня, пока мы путешествуем, приоткрытыми для проветривания.

Гостиница по-домашнему уютная. Приветливая и заботливая хозяйка с удовольствием поведала всю историю своей семьи. Расписные сундуки в холле, изразцы на печи в столовой, вышитые пряжей картины на стенах – всё это мне было

интересно, как и новые люди. От всех впечатлений за день засыпала быстро и спала, на удивление, спокойно и без сновидений. Сыновья были в сердце. А как иначе? Я – мама двоих сыновей, где бы мои мальчики не находились.

После сытного завтрака и восхитительного кофе мы отправились в Burg Eltz. Это один из самых известных и красивых замков в Германии. Пышный лес окружает его. Уникальность в том, что замок никогда не был захвачен или разрушен. Первые упоминания о нём датированы 1157 годом. Бог мой, опять такая история и такая красота! К замку ведёт сложная дорога: сначала крутой спуск, а потом крутой подъём. Мы пошли пешком, как и многие другие, чтобы увидеть великолепные буковые деревья, необхватные и упирающиеся в небо верхушками.

Ощутила себя в сказке, когда увидела замок с горы, на которую мы взобрались с некоторым трудом. Восемь высоких башен, идеальная композиция, серый цвет камней, из которого сложен замок, с парадной красно-белой отделкой очаровали меня. Можно было любоваться этим видом долго, только нам предстоял ещё и крутой спуск, чтобы попасть внутрь замка, который был открыт для экскурсий до определённого времени.

Замком владеют тридцать четыре поколения. Последние 800 лет у этого замка в сто комнат есть только один владелец, который живёт в Лондоне. Такое идеальное состояние сохраняется, благодаря служащим, и внутри. Первый раз я была

в настоящем замке. Не ко всем вещам можно было прикоснуться: время неумолимо к роскошным гобеленам, изящной мебели и хрупкой посуде, к причудливым полам и стенам с незатейливыми росписями. Дух величия витает здесь. Воображение оживляет все детские и не только детские картинки о капризных Принцессах и милых Принцах, о жестоких Королях и несчастных Королевах, храбрых Рыцарях и прекрасных Дамах. Читая моим мальчикам сказки, я, именно, так всё и видела, потому что сама была ещё юной мамой. В этот замок мысленно пригласила и младшего сына, чтобы мы были все вместе, как раньше. Бродя по комнатам, впитывая всю сказочность, надеялась рассказать обо всём внучке Яне, которая ещё не родилась, но которую я очень ждала и уже любила. Дети так быстро растут.

В Berg Eltz есть сокровищница, которая находится в подвальных помещениях, выдолбленных прямо в скале. Столько великолепия из золота и серебра! Меня сразил Ангел. Фотографировать, как обычно, в таких местах запрещено, но я прямо влюбилась в этот лик и крылья. Георг поступил совсем не как немец, а как радушный хозяин: он сделал снимок Ангела для меня. Я его прикрывала. Георга, конечно. Курьёзный экспонат не оставил нас равнодушными: фигурка короля с фекалиями из дукатов. Его фото тоже сделано. Простите нас великодушно, не смогли удержаться.

Уставшие, но такие довольные своим путешествием, поднялись к стоянке автомобилей. Мои новые сандалии с вели-

колепной вышивкой бисером пришли в негодность: дорога к замку была из мелкого щебня. Повздыхав, посетовала Нине на себя. Та успокоила, сказав, что обувь мы можем поменять. Не поверила: подошва разбита и один ремешок оторвался – моя вина.

Квадратные пельмени с начинкой из шпината и наивкуснейшим соусом заставили меня смириться с потерей новых сандалий. Снова наслаждалась отпуском, который давал мне такие дни праздника. Путешествие продолжалось.

Количество виноградников поражало меня на протяжении всего нашего пути, но ещё больше удивляло и озадачивало: как люди собирают урожай при такой крутизне склонов, где растёт виноград. Мой мозг не выдавал ни единого варианта. Георг тоже. Каждый доступный клочок земли был обработан и занят. Долина реки Mosel славилась своими винами издревле. Рислинги восхищали вкусом, ведь они – лучшие в Европе.

Вода в реках поднялась высоко из-за дождей и была мутной. Купаться меня не отпускали. Приходилось слушать Георга, как старшего в нашей компании и более ответственного за нашу безопасность. Я могла только смотреть на беспокойную воду и на суда, которые основательно и степенно передвигались по такой не очень широкой, по моему мнению, реке. Река была судоходной.

Каждый утёс на протяжении всего пути увенчан замком. Сохранившиеся, разрушенные, но не потерявшие своего ве-

личия исполины, которыми владели и короли, и архиепископы в средние века. Сланцевые горы называют «романтическим Рейном» не только из-за красоты пейзажей, но и из-за этих замков. У каждого из них есть своя легенда или сказание. «Vater Rhein – отец Рейн» воспет во многих немецких народных песнях.

Moseltalbrücke – мост, у которого надо непременно остановиться и ощутить высоту в 136 метров, длину почти в километр и красоту идеальных пропорций. Опять моя мама оказалась рядом. Мы вместе любовались и исследовали эту махину при ослепительном солнце, под которым на ступенях моста грелись юркие ящерицы, так похожие на российских.

Один из самых романтических городов в долине реки Мозель – город Cochem. Мы решили остановиться и дать глазам налюбоваться, а душе отдохнуть, бродя по узким улочкам и набережной. Крыши и стены домов из сланца мне очень нравились, таких решений раньше не видела. В старых давилках для винограда благоухали самые простенькие цветы, но впечатление они не портили совершенно, добавляли цветности и уюта городу, который и так был необыкновенно радужен от разноцветных домиков. Кондитерские заманивали своими шедеврами: меня сразила карета и запряжённые в неё лошади из белого шоколада. Такое жалко разрушать. Такое можно только рассматривать из-за изобилия мелочей.

Замок Reichsburg мы не успевали посмотреть внутри, только издали оценить его фундаментальность и архитектур-

ную законченность. Он производил впечатление непобедимого замка.

Арочный мост через реку очаровал. Мы пошли к воде. Лебеди с потомством, а потому старшие отгоняли людей от реки хлопаньем крыльев и угрожающим шипением. Один шустряк пытался ущипнуть меня за ногу, выбравшись на берег из воды. Я в это время пыталась, как всегда, «пощёлкать» фотоаппаратом. Впечатление осталось, что и говорить. Не люблю, когда меня так больно приветствуют: помню по кубанскому детству синяки и ссадины от гусей – лебедей. Но изящество этих птиц завораживало. Снимки получились удачными, не смотря на такие угрозы. Снимки и моста, и лебедей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.